

**АЛЖИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ -АЛЖИР 2-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ВОСТОЧНЫХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

МЕЛБУС ХАЛИЛ

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ» В
АЛЖИРСКОЙ АУДИТОРИИ**

**ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ НАУЧНОЙ СТЕПЕНИ
МАГИСТРА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

**НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ :
Док. МЕСИБАХ АБДЕЛУАХЕБ**

АЛЖИР – 2014

Содержание

Введение	3
ГЛАВА I Теоретические основы использования художественного текста как источника информации о чужой культуре	8
1-1. О некоторых нетрадиционных подходах к анализу художественного текста	8
1-2. Обыденное общение и межкультурная коммуникация	21
1-3. Виды межкультурной коммуникации	27
1-4. Межкультурная коммуникация в преподавании иностранных языков	29
1-5. Художественный текст в сфере межкультурной коммуникации	34
Выводы по первой главе	48
ГЛАВА II «Практическое применение лингвокультурологического анализа художественного текста в алжирской аудитории»	50
2-1. Отражение внутреннего мира Л.Н.Толстого в «казаках»	50
2-2. Суть лингвокультурного анализа художественного текста	56
2-3. Межкультурный диалог в повести Л.Н.Толстого «Казачья душа»	60
2-4. Лингвокультурологический, структурно-функциональный анализ культурно-маркированной лексики повести «Казачья душа»	70
- Выводы по второй главе	84
- Заключение	85
- Список использованной литературы	87
- Приложение	97

Введение

Каждый язык собирает собственное знание о мире, и его пользователи смотрят на мир через классификационную сеть данного языка. Языковые контакты раскрывают особенности культуры, менталитета того или иного народа и то самое сокровенное, что В. фон Гумбольдт именовал «духом народа».

«Язык есть исповедь народа, в нём слышится его природа, его душа и быт» [Вязенский: цит. по: Хроленко 2005, с. 89]. Будучи важнейшим средством общения людей, язык служит необходимым условием этнической общности – исторически возникшего вида социальной группировки людей, представленной племенем, народностью, нацией. «...Этнической общностью в самом широком смысле слова возможно считать всякую осознанную культурно-языковую общность, сложившуюся на определённой территории, среди людей, находящихся между собой в реальных социально-экономических отношениях» [Арутюнов, Чебоксаров 1972, с.10]. Этнос – это то, что объединяет людей изнутри культурно и духовно. Этнические различия – писал Л.Гумилёв - не мыслятся, а ощущаются по принципу: «это мы, а все прочие – иные». Так было и так есть, пока человек остаётся человеком» [Трубецкой 1998, с. 33]. Идентификационными признаками этноса являются расовая принадлежность, цвет кожи, географическое расположение, язык, обычаи и религия. Границы этнической принадлежности подвижны, динамичны и культурно обусловлены.

Известно, что народность формируется как языковая группа « народ и язык один без другого представлен быть не может» [Срезневский 1959, с. 16]. Именно поэтому название народа и языка совпадают. Полагают, что среди четырёх составляющих национального самосознания – 1)

этническое, 2) культурное, 3) языковое, 4) религиозное – доминантным является язык.

На основе вышесказанных суждений, в последнее время в преподавании иностранных языков стали включать «лингвокультурологию» как необходимую дисциплину, позволяющую приобщить учащихся к культуре изучаемого языка, к тому же, через язык и литературу Л.Н. Толстой пытался изменить отношение русского народа и правительства к народам Кавказа. Эта проблема актуальна и сейчас, так как слово «Кавказ» продолжает ассоциироваться с войной и с этим связана **актуальность** нашей работы.

Попыток осмыслить художественный текст в алжирской аудитории с опорой на данные лингвокультурологии мало, или почти не существуют, это позволяет нам претендовать на признание нашей работы новой в своем роде в алжирской аудитории и доказывает, тем самым её **новизну**.

Гипотеза нашей работы связана именно с тем, что привязанность человека к родному языку объясняется и тем, что у каждого народа существуют неповторимые ассоциации образного мышления, обусловленные особым семантическим наполнением каждого слова – культурными смыслами. Они закрепляются в самой системе и составляют её национальную специфику. Этническое самосознание основывается, прежде всего, на родном языке, все это можно обнаруживать в художественном тексте, так как автор, волей не волей, включает в него элементы своей родной культуры. В этом отношении интересен пример с выдающимся русским энциклопедистом Владимиром Далем. Сын датчанина и немки, он всю сознательную жизнь считал себя русским. «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности... кто на каком языке

думает, тот к тому народу и принадлежит, я думаю по-русски» писал создатель знаменитого словаря. [цит. по: Хлоренко 2005, с. 91].

Объектом исследования служат принципы и приемы лингвистического и культурологического анализа художественного текста в целях обучения русскому языку как иностранному.

Предметом исследования являются культураносная лексика, в которой, во-первых, отражается межкультурный характер текста повести «Казачья» и, во-вторых, демонстрируется специфика русского языка как языка межкультурной и межнациональной коммуникации.

Материалом исследования служат, с одной стороны, научная, учебная литература, посвященная разному рода анализу художественного текста, с другой стороны, язык повести Л.Н. Толстого «Казачья».

Цель данной работы заключается в осуществлении системного лингвокультурного анализа особенностей языка и речевой деятельности Л.Н.Толстого на Северном Кавказе, а именно в повести «Казачья».

Для успешного достижения вышеназванной цели нам необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить взаимодействие культур, межнациональную коммуникацию на Северном Кавказе.
2. Рассмотреть роль русского языка как посредника в сфере поликультурной коммуникации на Северном Кавказе.
3. Рассмотреть взгляды Л.Н.Толстого на языковую ситуацию в процессе межличностных отношений на Северном Кавказе.
4. Проанализировать миротворческую деятельность Л.Н.Толстого осуществлявшуюся через диалог языков и культур.
5. Рассмотреть культурно-маркированную лексику в тексте повести «Казачья», отображающую повседневность горцев и казаков.

Базовым методом исследования служил лингвокультурологический подход, предусматривающий системное изучение речевого взаимодействия Л.Н.Толстого с горцами, было использованы также:

- описательный метод;
- метод тезаурического анализа;
- метод истиматизации и обобщение;
- Структурно-функциональный метод, предполагающий разделение объекта культуры на части и выявление связей между частями.

Теоретическая значимость работы связана с многоаспектностью и многоплановостью исследования, с его постановкой, направленной на рассмотрение языка творчества русских писателей и результатов этой деятельности как деятельности направленной на примирение культур. Она также связана с тем, чтобы показать, что в развитии национальных культур язык участвует не только как структурное образование, но и как единое функциональное целое; показать, что от уровня развития языков и языковых контактов зависит процесс взаимодействия и интеграции народов в таком сложном в этническом отношении регионе, как Северный Кавказ.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может быть использовано в процессе формирования языковой личности алжирских учащихся-русистов, а также в процессе языкового воспитания учащихся при изучении русского языка на основе текстов русских классиков.

Во Введении обоснованы актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

В первой главе **«Теоретические основы использования художественного текста как источника информации о чужой культуре»** даётся характеристика некоторых нетрадиционных типах анализа и интерпретации художественного текста, ориентированных на цель и доминанту. Разъясняются понятия «обыденное, обыкновенное общение» «межкультурная коммуникация». Обосновывается использование межкультурной коммуникации в преподавании иностранных языков а также объясняется роль и место Художественного текста в обучении межкультурной коммуникации.

Во второй главе **«Практическое применение лингвокультурологического анализа художественного текста в алжирской аудитории»** проясняются связи самого автора с действительностью, отраженной в повести; выявляются речевые особенности героев и их роль в так называемом «диалоге культур», проводится структурно-функциональный анализ, ориентированный на культурную доминанту, который позволяет: во-первых, прогнозировать трудности и, во-вторых, преодолеть их путём тезаурусного анализа.

Данная дисертаионная работа состоит из: введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и одного приложения.

Глава I - Теоретические основы использования художественного текста как источника информации о чужой культуре

1-1. О некоторых нетрадиционных типах анализа художественного текста

Для начала стоит обратиться к значению художественного текста и к тому, что делает его художественным и отличающимся от другого вида текстов. «Художественный текст представляет собой личностную интерпретацию действительности. Писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом» [Белянин 2006, с.112].

Художественный текст-« это возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника, душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания... » [Адмони 1998, С.99].

Художественный текст служил объектом пристального внимания исследователей-гуманитариев на протяжении всего XX века. Научному анализу представлялись следующие дилеммы и триады: художественный — внехудожественный текст; содержательный — формальный подход (что могло отождествляться с литературоведческим — лингвистическим взглядом); проза — поэзия; текст — автор, текст — читатель, текст как самодовлеющая сущность; текст — язык, текст — мир, текст — тексты, текст в истории — текст вне истории.

Оппозиция *художественный — внехудожественный* текст совершает полный круг: пафос формальной школы, состоящий в принципиальном отделении художественного текста от нехудожественного поддерживается

и укрепляется структурализмом, расшатывается и опровергается в постструктурализме и деконструктивизме с тем, чтобы в конце века выплыть как проблема моделирования художественного текста в литературном дискурсе и вновь стать теоретической проблемой в новейших разработках.

Оппозиция *проза — поэзия*, в своем практическом воплощении испытывавшая сдвиг то в сторону модификации прозы поэзией, то в сторону модификации поэзии прозой, многократно переосмыслялась и насыщалась все новым содержанием, но не ставилась под сомнение.

Соотношение текста и автора развернулось в целый спектр исследовательских интересов: биографичность текста и текст как решение экзистенциальных проблем его создателя, автор и его текстовые репрезентанты, категория образа автора в художественном тексте, авторский замысел и полученный результат, автор как способ прореживания дискурса, контролируемая и бессознательная самоидентификация автора через текст.

Проблема текста и читателя имеет меньше смысловых разновидностей, но их расхождения более радикальны: от моделирования читателя в тексте, до присвоения текста не автору, а читателю.

Текст как самодовлеющая сущность вне автора и читателя, собственно говоря, и вне истории — прерогатива строгого структурно-семиотического подхода, в котором были достигнуты столь впечатляющие успехи. Данная идеологема лежит также в основе грамматики и стилистики текста, стремящейся постичь строение художественного текста через выделение текстовых единиц и установление отношений между ними. Художественный текст и его язык — это естественный язык и язык

словесного искусства, взятый как особый модус, как соотнесенный с временным срезом, как идиолект (что в триаде автор — текст — язык рождает представление о художественно-языковой картине мира).

Менее всего лингвистам давалась проблема текст — мир. Напротив, соотношение текст — тексты волновали и формалистов, и семиотиков, и постструктуралистов и, разумеется, деконструктивистов. Можно считать, что оппозиция текст — тексты, о которой ныне мыслят в терминах интертекстуальности и дискурса, является наиболее обсуждаемой в современной филологии.

И наконец, оппозиция *текст в истории* — *текст вне истории* разрешилась всеми тремя возможными исходами: текст вне истории (имманентный подход), текст в истории с направлением движения из прошлого в будущее (классическая точка зрения), текст в истории с изъятим направлением времени, допускающим как движение из прошлого в будущее, так и из будущего в прошлое (литературная практика Владимира Сорокина).

Краткий абрис смыслового поля, связанного с методами анализа художественного текста, позволяет сделать предварительный вывод о методах анализа в целом.

Идеал единого метода анализа, типа того, который был в свое время предложен Ю. М. Лотманом [Лотман 1970, С.119], считается утопичным, как впрочем, утопичен и полностью полемичный Ю. М. Лотману метод Р. Барта (Барт, 1994). Не является панацеей и метод анализа, основанный на научной идеологии других дисциплин, будь то математика, философия или семиотика.

На наш взгляд, метод есть проекция идеологии, присущей конкретному научному направлению, на область и способ воплощения исследовательских проектов. Такое понимание метода согласуется с выдвинутым Т. Куном (Кун, 1972) понятием научной парадигмы, подчёркивавшим, что научный метод позволяет эффективно решать только те задачи, которые могут быть поставлены в рамках этой парадигмы и оказывается неэффективным в рамках иной парадигмы. Таким образом, сколько углов зрения, столько и методов, и каждый имеет свои границы.

В настоящее время кажется, особенно актуальной является разработка понятийно-методологического аппарата, связанного с художественным прозаическим текстом. Очевидна асимметрия в успехах лингвистики в отношении поэтического и художественного прозаического слова, однако отметим, что до сих пор удобным термином для прозы лингвистика не располагает: «художественное прозаическое слово» — описательная номинация, использовавшаяся М. М. Бахтиным, в то время как поэтический язык и поэтический текст, если выражаться игриво, искушает и открывается лингвистическому мышлению, то прозаический текст, искушая, остается недоступным.

Итак, какие установки, цели и способы анализа предстают современному лингвистическому мышлению в отношении художественного прозаического текста? Остановимся на четырех подходах, авторитетность которых обеспечена их авторами и конкретными исследованиями.

1. Имманентный анализ. Цель — исследование художественной структуры «эстетически ценного объекта» через язык. Удачнее решается в отношении текстов, небольших по объему, когда последовательно

выделяются особенности языка на всех уровнях (совокупность выразительных средств) и их «художественная нагрузка». Дальнейшее движение в данном направлении, представленное в исследованиях по поэтическому языку: текст конкретного автора — совокупность текстов — идиолект — в отношении художественной прозы является затруднительным. Ни словарь языка Горького, ни другие подготовленные и готовящиеся к изданию индивидуально-авторские словари, при всей интеллектуальной затратности, не позволяют решить проблему художественно-прозаического идиолекта.

2. Лингвистика и стилистика текста. Цель — исследование закономерностей строения текста как языкового феномена и художественного текста. Основной принцип — членение текста на строевые единицы и дальнейшие характеристики этих единиц. Восходящий к классической стилистике и риторике, этот подход освящен именем Виноградова, который соединил исследование композиционно-речевых категорий литературы с категорией образа автора.

Имеется несколько современных версий: конститутивные единицы текста у Г. А. Золотовой, типы повествования у Н. А. Кожевниковой, повествовательные формы у Е. В. Падучевой.

Результативность в том, что появляется возможность говорить о текстах в понятиях, близких сосюровскому пониманию языка — то есть о единицах и способах их сочетаемости, и при этом тождественным образом в описательном, историческом и типологическом аспектах. «Структурные формы речи, которые наблюдаются в организации литературных произведений» [Виноградов 1980, с 70].

Композиционно-речевые структуры характеризуются по коммуникативной рамке, по функциональному назначению, по объему, по языку. Можно говорить о нормативных характеристиках композиционно-речевых структур (далее: КРС), как они сформировались в литературной традиции, и о трансформациях КРС по каждой из структурных характеристик. Трансформации задают типологическое «пространство возможностей» структурных форм художественной речи. Трансформации строятся на основе логического, а не исторического подхода, но это не исключает совпадения логики и истории.

К композиционно-речевым структурам относятся: авторское монологическое слово, прямая речь (художественный диалог), внутренний монолог, несобственно-прямая речь. Они имеют следующие нормативные характеристики: а) авторское монологическое слово представлено в перволичной и в третьеличной форме, В перволичной форме отправитель выражен эксплицитно в форме « я », в третьеличной форме отправитель не имеет эксплицитного выражения, хотя может «выявлять» себя в обращениях к читателю, в «метатекстовых» проявлениях (например, в номинациях типа «наш герой»). Авторское монологическое слово имеет функции описания, повествования и рассуждения и занимает наибольший объем в художественном прозаическом тексте. Авторское монологическое слово опирается на литературный (нормативный) язык; б) прямая речь — в качестве отправителя и получателя выступают вымышленные лица (« герои », « персонажи »), принадлежащие художественному универсуму текста. Основная функция — характеристика героев, создание их словесного портрета. Прямая речь занимает значительно меньший объем, чем авторское монологическое слово, и опирается на литературный язык вкупе со всей стилистической системой; в) внутренний монолог — отправитель и получатель совпадают (автокоммуникация).

Функциональное назначение внутреннего монолога — раскрытие внутреннего мира субъекта речи. Внутренний монолог имеет ограниченный объем и в канонической форме опирается на литературный язык (стилистический смысл « норма », средства высокого стилистического яруса). Само право на внутренний монолог в традиции выделяет значимость его субъекта; г) несобственно-прямая речь — композиционно-речевая структура, сформировавшаяся позже остальных. Коммуникативная рамка характеризуется наличием двух субъектов — формального (поверхностного), представленного в авторском монологическом слове, и глубинного, т.е. лица, являющегося объектом описания (« персонажа »). Несобственно-прямую речь определяют поэтому как переключение в план сознания героя без изменения субъекта описания. Несобственно-прямая речь не равна косвенной речи и косвенно-прямой (когда в пределах одного предложения происходит смена субъекта речи: *Трактирщик сказал, что не дам вам есть*). Несобственно-прямая речь выделяется по грамматическим, синтаксическим и лексическим признакам. Главную роль играют грамматические признаки (изменение грамматического времени, указывающее на включение нового сознания — сознания героя и появление новой точки отсчета). Несобственно-прямая речь совпадает по функции с внутренним монологом и предназначена для передачи внутреннего мира героя. В «правильно» построенном художественном тексте несобственно-прямая речь занимает незначительный объем. Несобственно-прямая речь может опираться на «речевые средства героя » либо совпадать по языковым характеристикам с авторским монологическим словом.

Трансформации КРС возможны по всем основным характеристикам. Выделяются три основных типа трансформаций: количественные, качественные и структурные, то есть по объему, по языку и по

коммуникативно-функциональным характеристикам. Три типа трансформаций связаны между собой, Изменение объема КРС в сторону увеличения по сравнению с нормативным происходит, например, когда прямая речь или несобственно-прямая речь выступают в качестве основной КРС. Так, на протяжении XIX века наблюдается последовательное возрастание по объему несобственно-прямой речи (Чехов), в рассказах Шукшина основной объем текста составляет прямая речь, а в знаменитой «Очереди» Сорокина прямая речь является единственной КРС, принимая на себя тем самым функции авторского монологического слова и исполняя их в модифицированном виде.

Качественные изменения наблюдаются, когда происходит изменение нормативной (присутствующей в языковом сознании) характеристики КРС по языку. Качественная трансформация состоит в сдвиге нормативной языковой характеристики, может быть представлена точно, локально и интегрально и имеет множество функциональных разновидностей. Применительно к авторскому монологическому слову — это установка на тип рассказчика (Лесков, Зощенко), на тип героя (Ю. Трифонов), на полифоническое повествование (разные реализации — Толстой, Достоевский), на стилизацию.

Структурные трансформации относятся к коммуникативной рамке и к позициям повествователя (локальной, эпистемической, идеологической). Структурно-коммуникативная трансформация также имеет множество разновидностей, что в первую очередь относится к авторскому монологическому слову и конкретнее — к таким признакам, как персонифицированность — неперсонифицированность повествователя/рассказчика, объем знаний, тип повествователя (типология повествователей), динамическая характеристика, по тексту

(тождественность — нетождественность — в разных смыслах). Суть структурных трансформаций, относящихся к позициям повествователя — субъективизация третьеличной и объективизация перволичной формы (если воспользоваться терминами Кожевниковой: в третьеличном авторском монологическом слове включение в позиции повествователя «субъектной призмы» героя приводит в целом к субъективизации авторского повествования, а в перволичной форме, напротив, отказ от «субъектной призмы» «я», выступающего субъектом описания, есть знак объективизации авторского монологического слова.

Следует отметить, что понятие категории образа автора как конституирующей категории художественного текста внутренне согласовано с выделением композиционно-речевых структур, ибо в понимании В. В. Виноградова категория образа автора есть объемлющая категория, структурными параметрами которой выступают повествователь и его позиции, композиционно-речевое строение и язык, в котором воплощаются «формы художественного осознания мира»[Виноградов 1980, с. 238].

Суммируя два из рассмотренных подходов, можно сказать, что в них позиция исследователя определяется «мифом объективности» (в понимании Лакоффа), а сам художественный текст рассматривается как текст-произведение (в понимании Р. Барта).

3. Интертекстуальный анализ. Также имеет несколько версий, объединяемых широко понимаемой коннотацией. Наиболее ранняя и слабо интегрированная в лингвистику версия принадлежит Р. Барту в его знаменитых анализах новелл Бальзака и Э. По (Барт, 1994) .

Р. Барт переводит текст в сознание читателя и предлагает членение на так называемые лексии (каковыми могут быть морфема, слово, словосочетание, предложение, часть предложений, последовательные предложения) в зависимости от реализации в лексии текстовых кодов — акционального, герменевтического, семантического, символического, культурного и соответствующих им голосов; голоса Эмпирии, голоса Истины, голоса Личности, голоса Символа и голоса Знания. Отправляясь, как и весь французский структурализм, от идей Бахтина о «чужом слове», Р. Барт сумел придать этим идеям вполне операциональный смысл, продемонстрировав механизм внутреннего семиозиса, состоящий в символической сверстке описания ситуации с нахождением для неё означающего, что выступает основанием для поступательного движения текста-произведения и текста-чтения. Вместе с тем не случайно, конечно, А. Жолковский, рассуждая об интертексте, подчеркивает, что «развертыванию и обращению подвергаются не *столько* конкретные тексты предшественников, сколько целые схемы мышления, системы приемов, текстуальные навыки, принятые в предыдущих литературных школах» [Жолковский 1994, с. 112]. Во многих версиях интертекстуального подхода наблюдается все больший отход от языка как такового благодаря минимизирующим требованиям к выделению коннотаций, что в пределе представляет игру с означающим не автора, не текста и не просто читателя, а специфически настроенного читателя-исследователя. В качестве примера можно привести рассуждения И. Смирнова по поводу романа Б. Пастернака: имя Галлиулина Юсуп «кивает» на убийцу Распутина Юсупова, если написано Комаровский, читай — Маяковский, тем более что и отчество у Комаровского — Ипполитович, и это напоминает об Ипполите из «Идиота» Достоевского, а, по мнению Юрия Живаго, поэзия Маяковского — это преодоление лирики

героев Достоевского вроде Ипполита. Торжество «мифа субъективизма» (Дж. Лакофф) заставляет задуматься об онтологии порождаемого им знания.

Интертекстуальный подход ведет к теме бессубъектного и безреференциального дискурса — эти определения предложены автором для обозначения того понимания дискурса, которое было разработано Мишелем Фуко применительно к археологии знания и, которое кажется весьма многообещающим для построения лингвистики дискурса. Уязвимые места интертекстуальности могут быть обойдены, если соединить дискурс с языком, ибо и то, и другое предназначено для вербализации работы сознания в форме результата и процесса (дискурсных ходов мышления). Классические метафизика и феноменология, стоящие за языком и дискурсом, неожиданно сближаются здесь в том, что имеют выход к системности, причем если применительно к языку речь идет о системе-конструкте, то применительно к дискурсу прослеживается стихийная системность в форме средств прореживания дискурса (принцип комментария, принцип авторитета, принцип научной дисциплины, принцип автора) и формирование в каждом из «порядков дискурса» (по терминологии Фуко собственного «языковленного» дискурсного мышления).

4. Миропорождающий анализ. Миропорождающий анализ относится к тому аспекту анализа художественного текста, который в выделенных выше дилеммах скрывался в противопоставлении «формальный подход» — «содержательный подход» или «литературоведение — лингвистика». Если воспользоваться теорией знака и распространить понятие знака на текст, можно сказать, что в уже названных направлениях, так или иначе, муссировалась связь «означающее

— означаемое». В миропорождающем анализе ставится вопрос о связи знака и его референта, поскольку в художественном тексте речь идет о вымышленном референте и вымышленном мире-универсуме, данную проблему уместно сформулировать как реконструкция мира по тексту. Эта задача, как уже было сказано, всегда успешнее решалась в литературоведении, герменевтике, философии, культурологии, но не в лингвистике. Суть в том, что понятийный аппарат лингвистики предназначен для описания языка, но не мира, поэтому описание мира в лингвистических понятиях терпит провал. Неслучайно выдающиеся лингвисты, будучи весьма строгими в собственно лингвистических описаниях, переходят на раздумчивый, задушевный язык, когда темой становится художественная «картина мира», порождаемая прозаическим художественным текстом/текстами. И в самом понятии языковой картины мира начинают, кажется, проступать границы его возможностей. Даже в как будто бы строгом определении картины мира, предложенным Ю. Д. Апресяном: «способ восприятия и организации (концептуализации) мира» [Апресян 1995, с.350]. Содержится презумпция, что сам-то мир — в том числе художественный — нам хорошо знаком, и дело только в том, чтобы в каждом случае адекватно нарисовать его «картину». Но каковы сами критерии «картины мира», каковы те необходимые и достаточные признаки, которые могли бы послужить основой для сопоставления? К «картине мира» нельзя перейти непосредственно от словаря, даже в форме функционального тезауруса М. Л. Гаспарова, ибо необратимо утрачивается динамический аспект текстопорождения. Но к «картине мира» нельзя перейти и от «лингвистики текста», даже если учитывать не только синтагматику, но и парадигматику композиционно-речевых форм и композиционно-речевых структур, равно как и двигаться в сторону их все более детального описания. Интертекстуальный подход, следуя завету

Умберто Эко, состоящему в том, что все тексты говорят о других текстах и, собственно говоря, только о них, снимает саму проблему внеязыкового референта. Однако она никогда не снимается для наивного читателя, которого, прежде всего, интересует мир, порождаемый художественным текстом. Новейшие устремления в данной области состоят в том, чтобы, отказавшись от непроницаемости художественного текста, рассматривать воедино текст жизни и всю совокупность различных текстов одного автора на основе мотивного анализа и выделении инвариантных мотивов.

1-2. ОБЫДЕННОЕ ОБЩЕНИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Общение выступает как взаимодействие субъектов, порождаемое потребностями из совместного существования. В процессе общения происходит взаимный обмен видами и результатами деятельности, идеями, чувствами, установками и т.д. Именно общение организует социум и позволяет человеку жить и развиваться в нем, координируя свое поведение с действиями и поведением других людей. «Нет сферы человеческой деятельности, которая не могла бы быть рассмотрена сквозь призму общения, не говоря уже о том, что само общение, опосредованное знаками, все более кристаллизуется в самостоятельную деятельность с определенной психологической структурой... » [Дридзе 1984, с. 268].

Процесс общения в силу своей практической значимости привлекает внимание специалистов самых разных областей гуманитарного знания: философии, психологии, социологии, культурологии, этнологии, лингвистики.

Наряду с понятием «общение», в последние несколько лет в науке появился и получил широкое распространение термин «коммуникация», который прочно вошел в понятийный аппарат социально-гуманитарного знания. Понятия «общение» и «коммуникация» - частично совпадают. Они соотнесены с процессами обмена и передачи информации, хотя эти понятия различны по форме и содержанию. Термин «коммуникация» образован от латинского слова «communicatio», имеющего значение «делать общим, связывать, общаться».

Исходя из различных точек зрения и подходов, коммуникация - это социально обусловленный процесс обмена информацией различного характера и содержания, передаваемой целенаправленно при помощи

различных средств и имеющей своей целью достижение взаимопонимания между партнерами и осуществляемый в соответствии с определенными правилами и нормами.

«Общение людей безгранично и разнообразно. Разнообразие находит свое отражение в различных формах, типах и видах коммуникации. В современной коммуникативистике выделяются следующие формы коммуникации: межличностная, деловая, социальная, межэтническая, внутригрупповая, массовая и межкультурная. В современной коммуникативистике выделение тех или иных видов коммуникации осуществляется по нескольким основаниям, поэтому количество видов коммуникации в различных источниках весьма существенно различается» [Соколов, 2003, С.19].

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. «Этим термином называется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам» [Верецагин, 1990, С.26].

Межкультурная коммуникация — это связь и общение между представителями различных культур, что предполагает как непосредственные контакты между людьми и их общностями, так и опосредованные формы коммуникации.

Иногда межкультурную коммуникацию обозначают как кросскультурную от английского cross-cultural. Это указывает на недостаточную переводческую культуру тех, кто этим обозначением пользуется, что уже само по себе свидетельствует о сложности проблем межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация изучается на междисциплинарном уровне как соотношение таких наук, как культурология, психология,

лингвистика, этнология, антропология, социология, экология средств коммуникации.

Межкультурная коммуникация представляет собой особую форму коммуникации двух или более представителей различных культур, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур. Процесс межкультурной коммуникации есть специфическая форма деятельности, которая не ограничивается только знаниями иностранных языков, а требует также знания материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т.д. В совокупности определяющих модель поведения партнеров по коммуникации. Изучение иностранных языков и их использование как средства международного общения сегодня невозможно без глубокого и разностороннего знания культуры носителей этих языков, их менталитета, национального характера, образа жизни, видения мира, обычаев, традиций и т.д. Только сочетание этих двух видов знания - языка и культуры - обеспечивает эффективное и плодотворное общение.

Межкультурная коммуникация может осуществляться либо на групповом уровне, либо на индивидуальном. Но на обоих уровнях основным субъектом межкультурной коммуникации выступает человек. При этом поведение каждого человека определяется ценностями и нормами той культуры, в которую он включен. В связи с этим каждый участник межкультурной коммуникации располагает своей собственной системой правил, обусловленных его социокультурной принадлежностью. Поэтому при непосредственном общении представители разных культур стоят перед необходимостью преодоления не только языковых различий, но и различий социокультурного и этнического характера.

В настоящее время изучением межкультурной коммуникации занимается целая группа гуманитарных наук: культурология, коммуникативистика, социология культуры, лингвокультурология, этнопсихология и др.

Чтобы поддерживать разнообразные и многоуровневые контакты и формы общения, необходимо не только знание соответствующего языка, но и знание норм и правил иноязычной культуры. Каждый участник международных контактов быстро осознает, что одного владения иностранным языком недостаточно для полноценного межкультурного взаимопонимания, что требуется знание самого процесса общения, чтобы прогнозировать возможности неверного понимания партнеров и избежать его. Человеческое взаимопонимание становится одной из важнейших сторон развития современного общества. Для современного человека характерна нарастающая потребность в полноценном общении, стремление быть наилучшим образом, понятым и оцененным окружающими. Основным средством достижения взаимопонимания людей является их общение, в процессе которого люди проявляют себя, раскрывают все свои качества.

В общении человек усваивает общечеловеческий опыт, исторически сложившиеся общественные нормы, ценности, знания, способы деятельности, формируясь, таким образом, как личность, как носитель культуры.

Хотя человек познает мир через себя, проецируя собственный опыт мировосприятия на другого человека, нужно помнить, что «другой» это, прежде всего, означает «отличающийся от меня». Непохожесть людей друг на друга создает благоприятные условия для обретения человеком новых навыков и способностей, совершенствования уже имеющихся, но, с другой

стороны, чем больше различий в характерах, воспитании, образовании и уровне культуры у взаимодействующих партнеров, тем больше возможностей для возникновения между ними противоречий и конфликтов. Поэтому люди должны владеть разнообразным арсеналом форм и средств культурного общения, основами психологических знаний о поведении партнеров по общению.

Решение отмеченных вопросов является предметом нового научного направления, получившего название "межкультурная коммуникация".

Размышляя над сказанным выше, неомовирно возникнет следующий вопрос: как осуществить успешную межкультурную коммуникацию? Осознание себя как участника межкультурной коммуникации и опыт межкультурного взаимодействия являются положительными предпосылками, настраивающими коммуникантов на эффективное общение. Собеседники, которым известно, что они вступают в контакт с представителем чужой культуры, учитывают это обстоятельство при выборе коммуникативных средств, и это отчасти облегчает их взаимодействие. Так, носители языка, обладающие опытом межкультурного общения, стараются говорить более четко и медленно, избегают использования идиом, специфических слов и выражений, сленга и различных синтаксических конструкций.

Конечно, акт межкультурной коммуникации проявляется в разных формах. В процессе межкультурной коммуникации каждый человек одновременно решает две важнейшие проблемы - стремится сохранить свою культурную идентичность и включиться в чужую культуру. Комбинация возможных вариантов решения этих проблем определяет четыре основные формы межкультурной коммуникации: **прямую, косвенную, опосредованную и неопосредованную.**

При **прямой** коммуникации информация адресована непосредственно от отправителя к получателю. Она может осуществляться как в устной так и в письменной форме. В прямой коммуникации наибольший эффект достигается посредством устной речи, сочетающей в себе вербальные и невербальные средства.

В **косвенной** коммуникации, которая носит преимущественно односторонний характер, информационными источниками являются произведения литературы и искусства, сообщения радио, телевизионные передачи, публикации в газетах и журналах и т.п.

Непосредственная и **опосредованная** формы коммуникации различаются наличием или отсутствием промежуточного звена, выступающего в роли посредника между партнерами. В качестве посредника может выступать как человек, так и технические средства. Коммуникация, опосредованная техническими средствами может оставаться прямой (разговор по телефону). При этом только сокращается возможность использования невербальных средств.

1-3. Виды межкультурной коммуникации

Следует подчеркнуть, что информация, составляющая содержание процесса коммуникации, существует не изолированно, а в неразрывной взаимосвязи с культурной картиной мира, имеющейся у каждой стороны. В совокупности культурная картина мира и коммуникативная информация образуют контекст процесса коммуникации. Принято выделять внутренний контекст и внешний контекст.

В качестве внутреннего контекста выступает совокупность фоновых знаний, ценностные установки, культурная идентичность и индивидуальные особенности индивида. Сюда же может быть отнесен настрой, с которым коммуникант выступает в общение и который составляет психологическую атмосферу коммуникации.

Внешний контекст коммуникации составляют время, сфера и условия общения. Важным обстоятельством является место проведения коммуникации, которое определяет фон коммуникативного процесса.

В зависимости от способов, приемов и стилей общения в коммуникативистике принято выделять три основных вида межкультурной коммуникации - вербальную, невербальную и паравербальную.

Под **вербальной** коммуникацией понимаем языковое общение, выражающееся в обмене мыслями, информацией, эмоциональными переживаниями собеседников. Вербальная коммуникация, как считают специалисты по теории коммуникации, может проходить преимущественно в форме диалога или монолога.

Невербальная коммуникация. Под ней в науке понимается совокупность неязыковых средств, символов и знаков, используемых для передачи информации и сообщений в процессе общения. В основе

невербальной коммуникации лежат два источника - биологический и социальный, врожденный и приобретенный в ходе социального опыта человека.

К основным формам невербальной коммуникации относятся:

Кинесика - совокупность жестов, поз, телодвижений;

Такесика - рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания и другие прикосновения к телу собеседника по коммуникации;

Сенсорика - совокупность чувственных восприятий, основывающихся на информации от органов чувств;

Проксемика - способы использования пространства в процессе коммуникации;

Хронемика - способы использования времени в процессе коммуникации.

Паравербальная коммуникация использует паравербальные средства - совокупность звуковых сигналов, сопровождающих устную речь, принося в нее дополнительные значения. Смысл высказывания может меняться в зависимости от того, какая интонация, ритм, тембр, фразовые и логические ударения были использованы для его передачи. Все эти звуковые элементы передачи информации получили название паралингвистических средств. Исследователи выделяют следующие акустические средства, сопровождающие, дополняющие и замещающие звуки речи: темп, высота, громкость, скорость, ритмичность, паузы, интонацию, покашливание, вздохи, стоны, тембр и др.

1-4. Межкультурная коммуникация в преподавании иностранных языков

«На современном этапе, когда бурно развиваются культурологические связи, расширяются области и сферы общения между людьми, неизбежно происходят изменения, как в стратегии обучения, так и в концепции образования в целом. Ведущей в обучении становится культурообразующая функция, а образование, как отмечает А. Бердичевский, превращается в механизм развития культуры, формирования образа мира и человека в нём» [Бердичевский 2004, с. 22].

В качестве основной задачи иноязычного образования выдвигается формирование межкультурной и многоязычной личности, способной адекватно общаться в условиях разных национальных культур, а приоритетным становится социокультурное направление, сменившее коммуникативную концепцию обучения иностранным языкам. Результатом иноязычного образования становится социальная компетенция, а сам учебный процесс превращается в межкультурное обучение, т.е. в обучение пониманию и адекватному восприятию чужой культуры и её ценностей.

Таким образом, концепция обучения в диалоге культур, занимая ведущие позиции в современной лингводидактике, меняет смысл и цели иноязычного образования. Инофон должен уметь не только включаться в межкультурный диалог, но и достигать взаимопонимания в условиях различных культурных фонов. Поэтому процесс обучения иностранному языку предполагает не только усвоение определённой суммы культуроведческих знаний, но и приобщение к чужой культуре, к чужим обычаям и традициям, а также формирование способностей к межкультурному общению, таких, как толерантность, терпимость,

культурная восприимчивость, креативность, правильная интерпретация коммуникативного поведения представителей других культур.

Только в этом случае инофон способен познать национальный характер мышления, стереотипы поведения, а значит, стать полноценным участником межкультурной коммуникации.

Тесная связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации настолько очевидны, что вряд ли нуждаются в пространных разъяснениях.

Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием (опять же иностранным, если слово иностранное) представление о мире.

Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что *языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.*

Научить людей общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь — это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение — не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого.

Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого нужно преодолеть барьер культурный. В приводимом ниже отрывке из интересного исследования И. Ю. Марковиной и Ю. А. Сорокина представлены национально-специфические компоненты культур, то есть как раз то, что и создает проблемы межкультурной коммуникации: «В ситуации контакта представителей различных культур (лингво-культурных общностей) языковой барьер — не единственное препятствие на пути к взаимопониманию. Национально-специфические особенности самых разных компонентов культур коммуникантов (особенности, которые делают возможной реализацию этими компонентами этнодифференцирующей функции) могут затруднить процесс межкультурного общения.

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести как минимум следующие:

а) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующим в данной системе нормативным требованиям);

б) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой культурой;

в) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинесический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

д) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса.

Специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. В межкультурном общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления» [Антипов,1988, С. 77.] .

В новых условиях, при новой постановке проблемы преподавания иностранных языков стало очевидно, что радикальное повышение уровня обучения коммуникации, общению между людьми разных национальностей может быть достигнуто только при ясном понимании и реальном учете социокультурного фактора.

Многолетняя практика преподавания живых языков как мертвых привела к тому, что эти аспекты языка оказались в тени, остались невостребованными. Таким образом, в преподавании иностранных языков имеется существенный пробел.

Одно из наиболее важных и радикальных условий восполнения этого пробела — расширение и углубление роли социокультурного компонента в развитии коммуникативных способностей.

По словам Э. Сепира, «каждая культурная система и каждый единичный акт общественного поведения явно или скрыто подразумевает коммуникацию» [Сепир 2000, с. 211].

Таким образом, возникает необходимость более глубокого и тщательного изучения мира (не языка, а мира) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т. п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива. «Язык не существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Э.Сепир 2000, с. 185] . В основе языковых структур лежат структуры социокультурные.

Знать значения слов и правила грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. Необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка.

Иными словами, помимо значений слов и правил грамматики нужно знать: **1) когда сказать/написать, как, кому, при ком, где; 2) как данное значение/понятие, данный предмет мысли живет в реальности мира изучаемого языка.**

1-5. Художественный текст в сфере межкультурной коммуникации

Новые тенденции в иноязычном образовании, в частности в межкультурном обучении, обусловили изменения в содержательной стороне процесса обучения, который включает следующие основные компоненты:

1. лингвистический компонент: знание специфики языка, обеспечивающее межкультурное общение на вербальном уровне (языковые единицы, обладающие национально-культурным компонентом: фоновая, безэквивалентная лексика, реалии и т.д.);

2. паралингвистический компонент: знание невербальных средств общения и специфики невербального поведения в акте коммуникации;

3. этнопсихологический компонент: восприятия окружающего мира, национальных особенностей, менталитета представителей данной культуры, которые определяют характер их поведения в процессе коммуникации и знание которых позволяет избежать коммуникативных неудач и культурного шока;

4. прагматический компонент: знание этикета общения, правил и норм социального поведения, принятых в данной стране для того, чтобы адекватно реагировать на слова и поведение собеседника и не допускать в своих поступках культурологических ошибок;

5. этнографический компонент: знание особенностей быта, традиций, материальной и духовной культуры данного этноса, а также национальных реалий культуры и их отличие от родной культуры. Это находит отражение в фоновых знаниях, которые необходимы как для полноценной коммуникации, так и для понимания произведений художественной литературы, где они рассматриваются как единый

информационный фон и служат условием адекватного понимания художественного текста.

Формирование указанных блоков знаний происходит на базе реальных текстов, являющихся источником культурологической информации. В этом плане трудно переоценить роль художественного текста, который, являясь феноменом культуры, отражает языковую и национальную картину мира и представляет собой одну из ключевых единиц межкультурного обучения.

Чтение художественного текста – это и есть акт межкультурной коммуникации, так как автор и читатель-инофон являются представителями двух различных культур, которые в процессе чтения и понимания текста вступают в непосредственный контакт. Основной проблемой при этом является специфика восприятия художественного текста, которая в современной науке рассматривается как сложный психологический процесс. Так, Г.Богин выделяет три уровня понимания текста: «1) семантизирующий, т.е. декодирование единиц текста; 2) когнитивный – освоение содержательной стороны текста; 3) распредмечивающий – смысловое понимание, построенное на распредмечивании «идеальных реальностей»» [Богин 2006, с. 4].

Третий уровень понимания, выявляющий смысловые вехи текста многократно осложняется для инофона, по сравнению с носителем языка, в силу его принадлежности к другой культуре. Хотя обой может произойти на любом уровне: как на семантизирующем, так и на когнитивном. Его может вызвать недостаточное знание языка или особенностей культуры, реалий, неумение произвести необходимые когнитивные операции, отсутствие необходимых фоновых знаний. Подобные неудачи рассматриваются в так называемой «теории лакун». В

этой связи Ю.Сорокин отмечает, что, при восприятии текста происходит «накладывание понятийно-денотативной структуры личного опыта реципиента на понятийно-денотативную структуру текста, воспринимаемого реципиентом» [Сорокин 1977, с. 87] .

В результате такого накладывания выявляются полные или частичные несовпадения в индивидуальном и культурном опыте инофона, которые представляют собой *абсолютные* или *относительные лакуны*. Абсолютная лакунарность свидетельствует об отсутствии данного факта в определённой культуре. Об *относительной лакунарности* мы говорим в том случае, когда коммуникативный факт присутствует в обеих культурах, но занимает совершенно различное место в шкале ценностей данных лингвокультурных общностей.

Что касается вопроса интерпретации текста, следует отметить, что это проблема, являясь одной из самых сложных, не имеет и не может иметь в науке однозначного решения, так как точки соприкосновения в триаде «автор—текст—читатель» никогда не совпадают полностью. « В современной науке - отмечает Д.Гудков - текст рассматривается как задающий веер возможностей своей интерпретацией,... как обладающий принципиальной множественностью, заключающей в себе несколько разных смыслов, однако в той или иной культурной общности существует определённые рамки возможной интерпретации текста, толкование, невольно или целенаправленно выходящее за эти границы, воспринимается культурным сообществом как неправильное » [Гудков 2003, с. 240]. В этом случае правомерно говорить об инварианте восприятия художественного текста, который знаком практически каждому носителю данной культуры, хотя он может быть с ним не согласен. В этом плане интересным представляется пример интерпретации

рассказа И.Бунина « Холодная осень » французскими и американскими студентами, приведённый Л. Громовой. По мнению студентов, это очень грустный рассказ о наивной несчастной женщине, которая не боролась за своё счастье и прожила жизнь зря . Носителям западной культуры кажется напрасной жизнь, где были «только тот холодный осенний вечер», который освещал всю оставшуюся жизнь героини и с которым была связана её единственная любовь. «Носитель же русской культуры, базирующейся на христианских представлениях о смирении и принятии своей судьбы, не чувствует в этом рассказе безысходности, напротив, просветление души, ведь героиня сохранила любовь и там, в вечной жизни, её ждёт настоящее счастье» [Громова 2003, с. 470].

Этот пример иллюстрирует тот факт, что текст невозможно рассматривать в отрыве от читателя, в частности от инофона, так как принадлежность к определённой национальной культуре во многом обуславливает особенности восприятия этого текста. При этом следует отметить, что реализуя межкультурное обучение, мы не ставим задачу, чтобы инофон *воспринимал тот или иной текст как носитель русской культуры, но чтобы он понял, как интерпретирует этот текст русский и чем такая интерпретация обусловлена* (речь идёт об инварианте восприятия определённого текста).

Рассматривая художественный текст в аспекте межкультурной коммуникации, следует остановиться на таком сложном феномене, как прецедентный текст. «На основании изучения этих текстов - отмечает Д.Гудков – и, прежде всего, анализов инвариантов их восприятия, хранящихся в когнитивной базе, можно делать выводы о действиях, поступках, чертах характера ит.п., которые в данном сообществе поощряются или осуждаются. Прецедентные тексты в определённом

отношении образуют прототексты национальной культуры, тот фундамент, на котором основываются все другие тексты, образуют своего рода метауровень, к которому обращается при восприятии и порождении художественного текста практически любой носитель культуры» [Гудков 2003, с. 226]. Без знания и понимания этих текстов невозможно стать полноценным участником межкультурной коммуникации, адекватно воспринимать и понимать чужую культуру. Именно поэтому понимание прецедентных феноменов, включающих прецедентные тексты, высказывания и ситуации, является сложной и важной составляющей межкультурного обучения.

Центральное место среди прецедентных феноменов занимают прецедентные тексты, которые в большинстве случаев связаны с художественной литературой, так как русская культура «литературоцентрична», т.е. художественный текст занимает в ней особое место.

Основной способ существования прецедентного текста охарактеризован Ю. Карауловым как семиотический « когда обращение к оригинальному тексту даётся намеком, отсылкой, признаком, т. тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием, отдельные его фрагменты » [Караулов 2003, с. 217]. Понимание культурной составляющей прецедентных текстов вызывает большие трудности в иностранной аудитории, особенно в процессе работы над публицистическим стилем. В современном языке СМИ обращение к прецедентным феноменам осуществляется в разных текстовых объёмах, в разных формах. Особенно популярным приёмом является использование и обыгрывание в заголовках цитат из русских классических произведений.

Приведём примеры, взятые из российской и русскоязычной прессы Литвы. Так, в своей статье «Кошелёк интимнее обнаженного тела» Т. Толстая пишет: «Не в том ли глубочайшая культурная разница между Россией и Заподом, что мы ценим подаренное больше, чем заработанное, случайное - больше, чем выстраданное, стрекозу - больше, чем муравья?». Последняя фраза ни о чём не говорит читателю-инофону, более того кажется абсурдной, если он не знаком с творчеством Крылова. Непонятен будет и следующий отрывок из интервью с московским журналистом А.Троицким, если инофон не знаком с произведением И.Гончарова «Обломов»: «Я не живу жизнью трудолика или нового русского - говорит А.Троцкий- такая жизнь мне абсолютно противопоказана. Как видите, обломовская расслабуха мне очень близка». Вызывает трудности и понимание заголовка «Горе от ума», если у обучающегося не возникнут ассоциации, связанные с творчеством А.Сгriebоедова (статья об исследовании человеческого мозга).

Таким образом, при употреблении указанных прецедентных высказывание возникает проблема их адекватного восприятия. Если инофону доступно только буквальное восприятие текста, содержащего данное высказывание, то можно говорить о неадекватной интерпретации этого текста, так как суть прецедентного феномена заключается не в буквальном значении лексического состава, а в ассоциациях, которые тот должен вызывать и которые автоматически возникают у носителя русской культуры. Поэтому для понимания прецедентного высказывания инофону, в большинстве случаев, необходимы культурные фоновые знания, в частности, знакомство с русской классической литературой.

Одной из задач сравнительно-типологического изучения художественного текста является овладение культурой народа, на языке

которого созданы произведения. Художественные тексты - это, прежде всего, произведения национальной литературы, и, следовательно, национальной культуры. Именно через них мы можем расширить кругозор читателей, формировать их мировоззрение и культуру.

Интеграция – это процесс, обозначающий синтез типологических свойств разных культур, языков, литератур, психологий. Интеграция этнокультур - это явление взаимодействия, когда сама современная цивилизация, которую уже сейчас можно рассматривать как субстрат будущего общечеловеческого суперэтнуса, получает обновление и новые принципы общежития, мышления, культуры. Конвергированная личность способна выделить недостаточность «своей» и «чужой» картины мира и через посредство владения иностранными языками создать целостную картину мира.

Изучение художественного текста вне контекста культуры страны и вне сравнения с произведениями национальных писателей не может дать объективной картины мира. В тоже время художественный текст в структуралистских и постструктуралистских исследованиях становится предлогом для последующих активных читательских рецепций, литературных перелицовок, своёвольных переводов на языки других искусств. Во второй половине XX и в начале XXI века подобная позиция становится чрезвычайно популярной. Ролан Барт, ориентируясь на постструктурализм в художественной словесности и филологической науке и объявляя текст зоной исключительно языковых интересов, способных приносить читателю, главным образом, игровое удовольствие и удовлетворение, утверждал, что в словесно-художественном творчестве «теряются следы нашей субъективности... исчезает всякая соматождественность и в первую очередь телесная тождественность

пищущего ... голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть» [Барт 1989, с. 384]. Художественный текст, по Р.Барту - внесубъектная структура, и соприродный самому тексту хозяин-распорядитель—это читатель: «...рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [там же].

Концепция смерти автора, развиваемая Р.Бартом, помогла сосредоточить исследовательское филологическое внимание на глубинных семантико-ассоциативных корнях, предшествующих наблюдаемому тексту и составляющих его, не фиксируемую авторским сознанием генеалогию (« тексты в тексте », плотные слои невольных литературных реминисценций и связей, архетипические образы). Идейные искания поэта непосредственно запечатлены в художественных текстах; анализ воплощенной в них программы определённого, адресного воздействия — главный аргумент при реконструкции гипотетического читателя. Произведение же создаётся здесь и теперь, и ориентировано на читателя, способного его понять, Уже начало (заглавие, жанровое обозначение, первый абзац) создаёт определённый горизонт ожидания, который может соответствовать или не соответствовать объёму культурной памяти, эстетическим нормам, привычным ассоциациям, наконец, жизненному опыту читателя. Понятие «горизонт ожидания используется в «рецептивной эстетике» Х.Р. Яусса с целью подчеркнуть исторически конкретный и нормативный характер восприятия, свойственный публике, определённым её категориям в тот или иной период. В формировании горизонта ожидания участвуют, по Яуссу, жанровые нормы, литературный опыт читателя в целом, его жизненный опыт » [цит. по: Дранов 1996, с. 54].

Диалог культур и литератур рассматривается как явление, пограничное между текстами, то есть сотворенной реальностью, которую мы понимаем как субъективное отражение объективного мира. В современном мире диалог является главным регулятором в международной жизни. Вся наша планета втянута в диалог культур. При помощи диалога человечество пытается разрешить конфликты, ликвидировать очаги раздора и непонимания, осуществить знакомство с культурами различных народов. Понятие «диалог культур» получило глубокую трактовку в работах философов. Диалогичность мышления человечества, полифония различных мнений, идейных платформ и позиций - основная черта глобального мышления третьего тысячелетия.

Особенностью понятия «диалог культур» и родственного ему термина «межкультурная коммуникация» является их принадлежность к глобальным понятиям, к вечным темам антропологического и онтологического характера. Семантика глобальных понятий стремится к бесконечности, её невозможно охватить одним определением, как «нельзя объять необъятное».

Диалог культур - диалогическое взаимодействие родной и изучаемой культур через посредство владения иностранными языками, ведёт к свободному самопознанию реального субъекта межкультурной коммуникации. Диалоговое взаимодействие культур (языков) - такое взаимодействие культур и языков, при котором они вступают друг с другом в диалоговые отношения (термин М. Бахтина). Бахтин считал: «два сопоставленных чужих высказывания, не знающих ничего друг о друге, если только они, хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения ... диалогические отношения (смысловые) - это отношения

между всякими высказываниями в речевом общении ». Родная культура – объём культуры во всех её проявлениях (национальная, материальная, духовная, этикетная и т.д.), осознаваемый индивидуумом как «плоть и кровь» личности. Изучаемая культура - любая «чужая» культура (в противоположность «родной»), с которой индивид вступает в контакт и которая в той или иной степени становится изучаемой. Реальный субъект общения - живая личность с характерными для неё особенностями вербального и невербального поведения – противопоставляется понятию средний носитель языка «т.е. некий усредненный типизированный абстрактный конструкт » [Бахтин 1980, с. 485].

Термин «межкультурная коммуникация» сосуществует с родственными терминами, нередко используемыми как синонимы: «кросскультурная коммуникация», «трансрасовая коммуникация», «межэтническая коммуникация».

Американский лингвист М.Проссер пишет: «Межкультурная коммуникация », иногда она называется кросскультурной или транскультурной - это межличностная коммуникация, имеющая дополнительные характеристики — сходства и различия в языках, невербальных средствах общения, способах восприятия, ценностях и образах мышления» [Prosser 1978, с. 100]. Существуют и другие определения межкультурной коммуникации, как происходящее во времени взаимодействие между членами различных (суб)культур, феномен взаимодействия между людьми из различных этнических культурных групп, не только взаимодействие между носителями и не носителями языка, но и любая коммуникация между людьми, которые в той или иной сфере общения не разделяют общего лингвистического или культурного фона.

В литературной компаративистике обычно сравниваются литературные явления генетически близких в языковом отношении литератур. Но некоторые литературы, относясь к разным языковым семьям, тем не менее, в силу географических, исторических и культурных факторов они находились во взаимодействии и в русле общих закономерностей развития. Конечно, фазы и этапы этого развития не всегда совпадали во времени, да и трудно найти такие литературы, которые бы развивались синхронно. Однако поиск аналогий, параллелей типологического характера в методах художественного изображения, в литературных направлениях, течениях, стилях, в родах и жанрах, в сюжетно-композиционных системах, в образных рядах, в использовании изобразительно-выразительных средств кажется нам плодотворным для преодоления представления об исключительности или избранности монографически изучаемой литературы. Такой подход позволяет более объективно оценить художественное значение изучаемых литературных текстов, выявить общие закономерности и специфические отличия развития литератур в контексте мирового литературного процесса.

Сегодня типологически различные культуры втягиваются в единое временное и духовное пространство, сопрягаются, дополняя друг друга.

«Одновременность различных культур бросается в глаза, оказывается реальным феноменом повседневного бытия современного человека. Именно в таком виде наш век обнаруживает свой действительный культурный замысел и оказывается смыслом прошедших исторических эпох как диалог культур» [Библер 1999, с. 32]. В связи с этим, единственно конструктивным ответом на вызов мультикультурного общества становится межкультурная коммуникация.

Одним из ярких примеров межкультурной коммуникации могут служить художественные произведения, т.к. «художественная литература является важным сегментом действительности, ведущим к познанию национальной культуры» [Верещагин 1990, с. 69]. При этом с культурологической точки зрения художественная литература является довольно своеобразным явлением, поскольку действительность, создаваемая автором, является особой по отношению к реальной. На эту двойственную сущность быть как зеркалом действительности, так и ею самую обратил внимание Д.С.Лихачев: «В любом литературном явлении, так или иначе, многообразно отражена и преображена реальность: от реальности быта до реальности исторического развития (прошлого и современного), от реальности жизни мира до реальности самой литературы в её традициях и противопоставлениях» [Лихачев 1981, с. 167].

Тексты являются истинными хранителями культуры. Они отображают духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всём, что составляет содержание культуры. Текст, по мнению В.А.Масловой - «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных» [Маслова 1898, с. 87]. Так, по мнению А.Вежбицкой, любой текст является культурно обусловленным, так как, создавая какой-либо текст, носители языка, принадлежащие к определённой культуре, обычно руководствуются некой подсознательной нормой, которую она называется «культурно-обусловленным сценарием» [Вежбицка, 2003, С.63].

В текстовом общении начинает преобладать установка на обмен не фактами, а интерпретациями, картинками мира, в частности культурными. При этом воздействие на адресата происходит опосредованно, так как текстовое общение разорвано во времени и принадлежит сфере культуры. «Оно подчиняется системе семиотических кодов культуры, стоящей над языком и над текстом и детерминирующей выбор всех основных параметров решения текста» [Дымарский 1996, с. 34]. Текст можно рассматривать как форму существования человеческой культуры. Текст, с одной стороны, существует в культуре, а с другой, является одновременно её необходимым компонентом, раскрывающим особенности национального характера, нравственно-эстетический идеал народа, так или иначе связанный с общечеловеческой системой культурных ценностей. Однако какой-либо текст имеет отношение к человеку лишь тогда, когда он по законам диалога вбирает в себя остальные тексты и становится текстом художественной литературы. То есть когда он перестаёт быть предметом лингвистического и семиотического анализа, когда он становится моментом поэтики. Человек там, где речь там, где диалог; диалог там, где литература. Во всяком случае, достроенный, бесконечно развитый, глубинно понятый диалог там, где существует художественная литература. «Текст, существующий сам по себе, вне автора и вне исследователя — это текст, понимаемый как «плоская» речь. Но как только этот же текст попадает в руки любого читателя-исследователя, в нём «оживают» авторские контексты и рождаются, по мере изучения материала, контексты, принадлежащие читателю-исследователю» [Цатунова 1995, с. 13].

Принимая во внимание тот факт, что художественный текст отражает национально-культурный аспект, то есть характерные черты данной культуры, можно говорить, что он выступает в качестве «носителя и

источника объективной информации о мире, зеркалом жизни и культуры народа» [Райхштейн 1986, с. 11]. В художественном произведении переосмысливается все течение истории, оно понимается уже не как течение анонимой мысли, но как событие всех авторов, общающихся в данном всеобщем контексте. В таком переосмыслении текст перестаёт быть текстом, выходит за свои пределы и становится основанием уже не понятия «текст», а понятия «культура».

Выводы по первой главе

Подытоживая сказанное, можно прийти к следующим заключениям:

1 - Существует много разных подходов к анализу и интерпретации художественного текста, ориентированных в основном на доминанту и цель, это объясняется наличием разнообразных мировоззрений и способов восприятия действительности, сколько углов зрения, столько и методов, и каждый имеет свои границы

В данной главе наш выбор остановился на четырех подходах, авторитетность которых обеспечена их авторами и конкретными исследованиями:

- *имманентный анализ*. При применении данного подхода цель анализа — исследование художественной структуры «эстетически ценного объекта» через язык;

- *лингвистика и стилистика текста*. Цель — исследование закономерностей строения текста как языкового феномена и художественного произведения;

- *интертекстуальный анализ*. Также имеет несколько версий, объединяемых широко понимаемой коннотацией. Это поиск скрытых в тексте понятий и намерений автора;

- *миропорождающий анализ*. Миропорождающий анализ относится к тому аспекту анализа художественного текста, который в выделенных выше дилеммах скрывался в противопоставлении «формальный подход — содержательный подход» или «литературоведение — лингвистика».

2- наряду с определением разных нетрадиционных методов анализа художественного текста мы попытались ставить грань между обыденным

общением и межкультурной коммуникацией. Обыденное *общение* выступает как взаимодействие субъектов, порождаемое потребностями из совместного существования, тогда как *межкультурная коммуникация* – это адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам). Межкультурная коммуникация имеет разные формы проявления: *прямую, косвенную, опосредованную и неопосредованную*

- кроме вышеназванных форм выражения в коммуникативистике принято выделять три основных вида межкультурной коммуникации - вербальную, невербальную и паравербальную.

3- Сегодня типологически различные культуры втягиваются в единое временное и духовное пространство, сопрягаются, дополняя друг друга,

но говоря о роли художественных произведений в обучении иностранным языкам, следует напомнить, что «художественная литература является важным сегментом действительности, ведущим к познанию национальной культуры» [Верещагин 1990, с. 69]. Но несмотря на наличие вымысла и фантазий автора в нём, с культурологической точки зрения, художественный текст является довольно своеобразным явлением, поскольку действительность, создаваемая автором, является особой по отношению к реальной, он - истинный хранитель культуры. Художественный текст отображает духовный мир человека. Именно он напрямую связан с культурой, так как хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, он выступает как носитель и источник объективной информации о мире, как зеркало жизни и культуры народа.

Глава II «Практическое применение лингвокультурологического анализа художественного текста в алжирской аудитории»

2-1. Отражение внутреннего мира Л.Н.Толстого в «Казаках»

Письма и дневники Л.Н. Толстого периода создания повести «Казаки» (1852-1862) дают представление о характере творческого мышления писателя, о поисках художественной формы. В дневнике 24 октября 1853 г. Толстой записывает: «Читал сочинение, в особенности чисто литературное, - главный интерес составляет характер автора, выражающийся в сочинении» [Толстой 1978-1985, Т. 21, с. 96].

Наиболее важным и сложным для писателя оказался вопрос выбора типа повествования и жанра. Совокупность художественных способов воплощения авторской идеи в повести Толстой называет «тоном». В письме к П. В. Анненкову от 24 октября 1857 г. он размышляет о «четырех различных тонах», в которых пытался писать «Казаков», не зная, «что выбрать или как слить», или «все бросить» [там же, Т. 18. с. 479].

Кроме внимания к жанру, в ходе своей работы над «Казаками» Л.Н.Толстой записал в своем дневнике свои мысли и представления об искусстве: «Дело искусства — отыскивать фокусы и выставлять их в очевидность. Фокусы эти, по старому разделению, — характеры людей; но фокусы эти могут быть характеры сцен, народов, природы. Именно характеры народов и природы — стороны жизни, которые чрезвычайно много значат в художественном повествовании «Казаков» [там же, Т. 21. с. 319].

Эпическое повествование о труде, веселье, войне казаков очень важно Л.Н.Толстому, так как именно этим и раскрывается по его словам «характер народа».

Тургенев, считавший Оленина лишним лицом в «Казаках», был, конечно, не прав. Идейного конфликта повести не было бы без Оленина. Но тот факт, что в жизни казачьей станицы Оленин — лишнее лицо, что поэзия и правда этой жизни существуют и выражаются независимо от него, — несомненно. Не только для существования, но и для самосознания казачьего мир не нуждается в Оленине. Этот мир прекрасен сам по себе и сам для себя.

Эпически величавое описание истории и быта гребенских казаков разворачивается в первых главах повести вне какой-либо связи с историей жизни Оленина. Впоследствии — в столкновении казаков с абреками, в замечательных сценах виноградной резки и станичного праздника — Оленин выступает как сторонний, хотя и очень заинтересованный наблюдатель. Из уроков Ерошки познает он и жизненную философию и мораль этого поразительного и такого привлекательного для него мира.

Ко всеобщему изумлению, читая письма Толстого с Кавказа, мы не замечаем в них ни того восхищения станичной жизнью, ни того негодования против оставленного в России светского общества, которое содержится в письмах Оленина к приятелю. Все это пришло к Толстому позднее. «Казаки» вобрали в себя и опыт участника Севастопольской обороны, и стремление решить земельный вопрос, и любовь к яснополянской крестьянке Аксинье Базыкиной. После Крымской кампании, после знакомства с кругом «Современника» и поездок за

границу Толстой начинает глубже осмыслять свое прошлое и иначе представлять его факты.

Работа над «Кзаками» заканчивалась в те годы, когда жизнь русской деревни особенно близко занимала Толстого. Он снова устроил тогда в Ясной Поляне и в окрестных деревнях школы для крестьянских детей; как мировой посредник отстаивал интересы крестьян в реформе 1861 года; мечтал жениться на крестьянке и отказаться от барского образа жизни.

Как и прежде, его волновал и тревожил вопрос: что же делать умному, чуткому и совестливому дворянину, если он недоволен своей средой, если его влечет жизнь общую, народную, если он не хочет чувствовать себя виноватым за социальные и нравственные пороки окружающего мира?

Свое открытие этого мира Толстой переносит на страницы «Кзаков», рисуя быт и нравы, характер целого народа, каким он сложился в своеобразных исторических условиях. Важно отметить, что в этой попытке пройти путь к народу совершенно отсутствуют религиозные идеи, которые станут для Толстого столь существенными в дальнейшем.

Сам Толстой в дневнике записал: «Странно будет, ежели даром пройдет это мое обожание труда» [Толстой 1978-1985, Т. 21, с. 38]. В повести простая, близкая к природе трудовая жизнь казаков утверждается как социальный и нравственный идеал. Труд — необходимая и радостная основа народной жизни, но труд не на помещичьей, а на своей земле. Так решал Толстой самый злободневный вопрос той эпохи.

Позднее он развивает свою мысль о вольной земле и говорит, что на этой идее может быть основана русская революция. В статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» В. И. Ленин писал, что в

творчестве Толстого отразилось крестьянское «стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян». Никто сильнее Толстого не выразил в своем творчестве эту мечту русского мужика, и никто больше него не строил утопических теорий, особенно в поздние годы, о мирных путях ее достижения.

Что же представляют собой в этом смысле «Казачьи»? Мечту или действительность? Идиллию или реальную картину?

Очевидно, что патриархально-крестьянская идиллия живет лишь в воспоминаниях Ерошки. И при первом знакомстве с Олениным, и потом много раз он повторяет: «Прошло ты, мое времечко, не воротишься»; «Нынче уж и казаков таких нету. Глядеть скверно...» [Толстой 2008, с.57].

На ранних стадиях работы у Толстого являлась мысль — Ерошку, в облике которого особенно ярко воплотился жизненный идеал казачьего мира, сделать товарищем и однолеткой Кирки (будущий Лукашка). В законченной повести Ерошка — воплощение доживающей истории, живая легенда, чуждая новой станице. К нему относятся либо враждебно, либо насмешливо все, кроме Оленина и Лукашки, племянника. Ерошка в свое время «прост» был, денег не считал; теперешний же типичный представитель казачьего общества — хорунжий — оттягал сад у брата и ведет длинный политичный разговор с Олениным, чтобы выторговать лишнее за постой.

Свободная от крепостного права казачья община не избежала развития новых отношений с их властью чистогана и откровенной

антигуманностью. Не случайно, что человеческий, гуманный взгляд представляет в повести именно старик Ерошка. Он любит и жалеет всех: и убитого в разграбленном ауле ребеночка, и джигита, застреленного Лукашкой, и раненого зверя, и бабочку, по глупости летящую на огонь, и Оленина, которого девки не любят. Но сам он нелюбимый. «Нелюбимые мы с тобой, сироты!» — плача, говорит он Оленину [Толстой 2008, с. 65].

Верный жизненной правде, писатель отказался от мысли рисовать в повести казачью идиллию. В лаконичных и точных художественных зарисовках он представил конец казачьей станицы, рождение в ней новых нравов, раскрыл трагедию ломки и уничтожения патриархального крестьянства. По мере работы над повестью старик Ерошка все более становится критиком современности, утверждающим свое отношение к миру — свободное, старокрестьянское. Гуманизм и человечность даны Ерошке как бы самой природой и долгим жизненным опытом. Оленин приобретает эти черты, борясь с самим собой и со своим прошлым.

В повести «Казаках» Л.Н.Толстой впервые пытается сближать эпическое повествование о народной жизни к роману, в центре которого типичный толстовский герой, страдающий связями со средой, пороки которой он видит и осуждает, и стремящийся найти себе место среди вольнолюбивых, смелых, во всем естественных людей, таких, как красавица Марьяна, необыкновенно мужественный казак Лукашка, старый охотник Ерошка. В Оленине легко увидеть некоторые черты офицера действующей Кавказской армии Льва Николаевича Толстого. Но если Оленин был отвергнут казачьей станицей, то Толстой оставил по себе добрую память у жителей станицы, долго сохранявших с ним хорошие отношения.

В развязке «Казачков» некоторые критики-современники увидели повторение концовок «Цыган» Пушкина и «Героя нашего времени» Лермонтова и склонны были оценить повесть как «заминку» в творчестве Толстого. На самом же деле «Казачки» явились в свет как результат первого десятилетия писательской деятельности Л.Н.Толстого, став его крупным достижением. Пожалуй, ни в одном другом из ранних произведений писателя нет такого тесного сочетания эпичности и психологизма, какое мы находим в «Казачках». Новый подход к решениям этой новой творческой задачи будет найден позже у Л.Н.Толстого в его великих романах, и более всего, в «Войне и мире».

2-2. Суть лингвокультурного анализа художественного текста

Методологические основания исследования проблемы взаимодействия языка и культуры только закладываются. Их источниками служат труды В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, В.Н. Телия, В.А. Масловой и др. Так, для В.Н. Телия методологической основой лингвокультурологии служит «семиотическая презентация данных этого взаимодействия, рассматриваемого с учетом когнитивного содержания ментальных процедур, результатом которых и являются культурно оязыковленные ментальные структуры» [Телия 1999, с. 17]. Поддерживая эту точку зрения, все же нужно отметить, что такое видение объекта лингвокультурологии недостаточно рельефно отличает ее от смежных научных дисциплин. Что же все-таки следует считать объектом лингвокультурологии: язык как средство репрезентации культуры или культуру, рассматриваемую сквозь призму языка?

Отсутствие в лингвокультурологии четких собственных методологических установок приводит к тому, что ее предмет нередко «растворяется» в смежной научной дисциплине – когнитивной лингвистике, в основу которой кладется аналитическая объективность «научности».

И все же, несмотря на их очевидное «родство», когнитивную лингвокультурологию следует отличать от когнитивной лингвистики. В отличие от «чистой» когнитивистики, культурология, как и другие науки, изучающие гуманитарное знание, «не может развиваться под тенью идеалов «научности» и объективности естественно-научного и тем более формализованного знания» [Микешина, 2002, с.499]. Однако лингвокультурология – это наука! И как таковая не может обходиться без

принципов научного познания мира. Видимо, нужно предположить, что есть иные, не формализованные, «бастионы» научности, где «определенная доля методологизма и аналитики успешно сочетается с *нарративностью*, «рассказом» как свободным размышлением, и происходит это на пересечении различных «горизонтов» культуры, науки и искусства» [Микешина 2002, с. 500]. Для лингвокультурологии такой подход вполне естествен, так как, по утверждению Рикера, «бытие в мире, с точки зрения нарративности, это бытие в мире, уже маркированном языковой практикой, связанной с этим предпониманием» [Рикер 2000, с. 99].

Необходимость комбинаторного подхода к объектам культуры, при котором органически соплагаются нарративность, художественное мышление и элементы глубокого методологического анализа, обуславливается потребностью лингвокультурологии в неопределенном дискурсивно-мыслительном пространстве: между *строгой научностью* и *вольной фантазией*. Первая неприемлема по своей отвлеченности и по причине заключенного в ней методологического насилия над продуктами дискурсивного познания, вторая как абсолютно ничем неограниченное воображение – в чистом виде также неприемлема.

Сама природа гуманитарного знания предполагает особого рода «культурологическую» методологию, включающую многообразие «языковых игр» с обязательным наличием нарративных элементов. Примечательно, что в такой методологии не совсем обычны и сами понятийные средства. Это – не логические понятия, а своего рода «понятия-ключи» (термин Э. Ауэрбаха), не абстрактные или взятые по аналогии, а скорее конкретно-образные и точно не определяющие, но схватывающие своеобразие предмета или события. Такие обыденные

понятия близки к современным культурным «концептам», способным актуализироваться в различных «контекстах».

В основании лингвокультурологической методологии лежат обыденные понятия особого рода: «*концепты-словообразы*», которые не превращаются в абстрактные понятия, а обогащаются (благодаря живому, не «теоретизированному» повествованию) поиском в фактах культуры смысла жизни.

Итак, поиск методологических оснований лингвокультурологии осуществляется путем использования элементов концептологии, герменевтики и общей филологии. В соответствии с таким методологическим вектором на современном этапе развития лингвокультурологии предпринимается попытка интегрировать в лингвистические методы приемы и методики культурологии: общефилософские, идеографические (описывающие) – метод В. Виндельбанда, интуитивистские (М. Шелер, Н. Гартман), феноменологические (Э. Гуссерль), герменевтические (Г.Г. Гадамер), структурно-функциональный анализ (К. Леви-Строс и др.).

В этом плане можно выделить несколько методов лингвокультурологии:

1. Диахронический метод, основанный на сравнительном анализе различных лингвокультурных единиц во времени.

2. Синхронический метод, сравнивающий одновременно существующие лингвокультурные единицы.

3. Структурно-функциональный метод, предполагающий разделение объекта культуры на части и выявление связей между частями.

4. Историко-генетический метод, ориентированный на изучение лингвокультурного факта с точки зрения его возникновения, развития и всей дальнейшей судьбы.

5. Типологический метод, предназначенный для выявления типологической близости различных лингвокультурных единиц историко-культурного процесса.

2-3. Межкультурный диалог в повести Л.Н.Толстого «Казачьи дети»

Почти за сто лет до появления межкультурной коммуникации как науки, Л.Н.Толстой даёт образцы этнолингвистики и лингвострановедения, примеры кросскультурного подхода, отказа от лингвистического империализма и многое из того, что является сегодня предметом исследования и методом новой науки.

Художественная интуиция писателя развертывает лингвистически точную картину языка казачьей станицы, особенности их «наречия».

В повести воплощена широкая панорама современных Толстому культурных кодов, проблема идентичности русского сознания, представлены мировосприятие через призму культуры, относительность в восприятии пространства и времени, этикетные и индивидуальные проявления вербальной коммуникации героев.

Работа над повестью шла напряжённо – первоначальный замысел возник в 1852 году во время пребывания на Кавказе – сопровождалась мучительными поисками жанра произведения. Менялось заглавие кавказской повести (первоначально «Беглец», «Казак»). Толстой последовательно отказывался от формы этнографического очерка, поэмы в стихах, остросюжетной повести и произведения в письмах. Сильное впечатление в разгар работы над повестью производит чтение «Илиады» Гомера, в августе 1857 г. Толстой записывает 15 августа в своём дневнике: «Читал «Илиаду». Вот оно! Чудо! <...> Переделывать нужно всю «Кавказскую повесть» [Толстой 1978-1985, Т. 21. с. 190]; 24 августа: «Читал Гомера. Прелестно»; 25 августа: «Читал восхитительную «Илиаду». Гефест и его работы» [там же, Т. 21. с. 191].

В авторской модели изображения жизни казачества, представлявшегося ему особым утопическим миром («казак - дик, свеж, как библейское дерево» [Толстой 1978-1985, Т. 21. с. 190]). Результатом становится многоплановое, ёмкое произведение, разворачивающее эпическую картину различных цивилизаций, органически «слитых» гением писателя.

Население Кавказа многонационально и отличается необычайной языковой дробностью. И то и другое объясняется особыми географическими условиями, так как Кавказ расположен на стыке двух миров – переднеазиатского и восточноевропейского. Речевое поведение Толстого в повести на Кавказе является *образцом поведения элитарной языковой личности в полиэтнической среде*. Под элитарной языковой личностью понимается личность с языковыми компетенциями в рамках элитарной языковой культуры, нравственным, высоким духовным поведением. Писатель, осуществлял не только лингвокультуротворческую деятельность, но и формировал цивилизованную языковую и культурную политику, которая позже реализовалась во многом по его примеру и образцу.

Толстой «наследует» эпическую полноту, всесторонность изображения быта своих казаков (в мирных занятиях, военных стычках, праздниках и сельскохозяйственных работах, дома и на площади) и тщательную детализацию, реальную и поэтически одухотворенную одновременно. Эта ориентация на большой эпос сквозит в мельчайших поэтических деталях, в способах изображения. Например, использование цвета при описании сбора винограда отличается точностью в передаче натуральной палитры и художественной живописностью колорита. Эта же

особенность поэтики свойственна манере Н.Н. Толстого, которого брат называл «эпическим талантом громадным» [там же, Т. 21. с. 158].

Итак, Л.Н.Толстой в повести «Казачи» запечатлел фундаментальные процессы этнического, культурного, языкового взаимодействия русского и горских народов, которые дали впоследствии возможность строить образование, изучать языки, формировать алфавиты бесписьменных языков на Кавказе, успешно осуществлять языковую, культурную политику в этом регионе.

В повести «Казачи» Л.Н. Толстой показал путь к упрочению русско-кавказских культурных взаимосвязей. Он представил наличие глубинного конфликта *между двумя культурами и возможность разрешения* этого конфликта мирным путем: через освоение языков и культур, взаимообмен ценностями культуры, языка, народной этики.

Русский писатель стремился объективно показать горскую жизнь, с большим интересом изображал быт горцев, раскрывал их мужество и героизм. Через язык, литературу Л.Н. Толстой пытался изменить отношение русского народа и правительства к народам Кавказа. Эта проблема актуальна и сейчас, так как слово «Кавказ» продолжает ассоциироваться с войной.

Подчёркиваем еще раз, что одной из особенностей речевого поведения Толстого является активное речевое взаимодействие с горскими народами. Хотя между Россией и Кавказом шла война, это не мешало местному населению общаться с представителями русской интеллигенции, а также с солдатами и офицерами. Между русскоязычным населением Кавказа и горцами создавался «общий язык» – «особенное наречие», своеобразное койне, в качестве которого использовались элементы *русского и татарского языков*. Формирование смешанного языка

обусловлено историческими, географическими, экономическими, социальными и другими условиями Кавказа.

Ко времени Л.Н. Толстого многие казаки, жившие на Кавказе, прекрасно владели языками горских народов: *«Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски»* [Толстой, 2008, с. 19]

Хотя казаки обитали в иноязычной среде, Л.Н. Толстой, тем не менее, отмечает стремление, в особенности староверов, сохранить в чистоте русский язык: *«Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру»* [Толстой, 2008, С.23].

Конечно, для справедливости и достоверности в описании и отражении культуры не обходится без внимания Л.Н.Толстого и верование казаков, их привязанности к преданиям: *«предание, еще до сих пор свежее между казаками, говорит, что царь Иван Грозный приезжал на Терек, вызывал с Гребня к своему лицу стариков, дарил им землю по сю сторону реки, увещевал жить в дружбе и обещал не принуждать их ни к подданству, ни к перемене веры»* [Толстой 2008, с.23].

Диалоги на разных языках, ведущие к сближению культур, часто встречаются в повести Л.Н. Толстого. Он так и характеризует язык, на котором говорят горцы: – *«полурусский язык»*: *«Их пять братьев, – рассказывал лазутчик на своем ломаном полурусском языке, – вот уж это третьего брата русские бьют, только два остались; он джигит, очень джигит, – говорил лазутчик, указывая на чеченца»* [Толстой 2008, с. 205] *«– Твоя наша бьет, наша ваша коробчит. Всё одна хурда-мурда, – сказал лазутчик...»* [Толстой, 2008, с. 206].

О взаимовлиянии русской и кавказской культур Л.Н. Толстой в повести «Казачья» пишет, что, живя между чеченцами, *«казаки породнились с ними и усвоили многие обычаи, образ жизни и нравы горцев»* [Толстой 2008, с.23].

Возможность мирного сосуществования русских и не русских на Кавказе пронизывает повесть, она выражается особенно в толирантности к чужому образу жизни: *«щегольство в одежде состоит в подражании черкесу»* [Толстой 2008, с.23].

По мере развития взаимоотношений горских народов с русским казачьим и крестьянским населением тенденция к их объединению росла, несмотря на многочисленные препятствия и длительную Кавказскую войну. Между горцами и русскими поселенцами устанавливались связи дружбы и уважения друг к другу.

Деятельностный характер речевого поведения русского писателя в повести «Казачья» реализуется в достоверном описании казачьей и горской жизни, изображение внешнего быта горцев и казаков, их обычаев, а также их отношение к женщине, описание жилища, одежды, пищи, обрядов.

Казак не может считать себя казаком, если не знает и не соблюдает обычаи и традиции казаков.

Своеобразие и разнообразие этой культурной картины проявляется в подробном описании всего, что окружает казака, в повседневных занятиях, в одежде и т.п.

Описание быта казаков

Толстой пытается максимально правдиво знакомить своего читателя с повседневной жизнью казаков, главные занятия которых ясно и наглядно проявляется в следующих примерах:

«- и жить с дядей Ерошкой, ходить с ним на охоту и на рыбную ловлю и с казаками в походы» [Толстой 2008, с. 141].

« Казак большую часть времени проводит на кордонах, в походах, на охоте или рыбной ловле » [Толстой 2008, с.24].

На особенность жизни казаков указывает и этот пример: *«Он почти никогда не работает дома. Пребывание его в станице есть исключение из правила - праздник, и тогда он гуляет» [Толстой, 2008, с.24].*

Источники дохода и средства на жизнь казаки добывают сами, это в основном результат их труда: урожай, рыба, добыча и трофей: *«Средства жизни казаков составляют виноградные и фруктовые сады, бахчи с арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посевы кукурузы и проса и военная добыча» [Толстой, 2008, с.24].*

Особо отметим и внимание Л.Н.Толстого даже к малейшим подробностям казачьей жизни, он описывает их и на работе, и дома, и в свободное время и во время работы, тем самым рисует своим читателям всестороннюю жизненную картину: *«Казаки на службе: на кордонах и в походе; старики на охоте, рыбной ловле или с бабами на работе в садах и огородах » [Толстой, 2008, с.25].*

«Казак в форме, в шапке и ружье, иногда стоит, иногда не стоит на часах у ворот, иногда делает, иногда не делает фрунт проходящему офицеру» [Толстой, 2008, с.18].

В то время как мужчины занимаются своими мужскими делами, Толстой описывает тоже и женскую часть населения: *«Девки в подоткнутых рубахах, с хвостинами, весело болтая, бегут к воротам навстречу скотине, которая толпится в облаке пыли и комаров, приведенных ею за собой из степи» [Толстой, 2008, с.27].*

«Сытые коровы и буйволицы разбредаются по улицам, и казачки в цветных бешиметах снуют между ними» [Толстой, 2008, с.27].

Следует особо подчеркнуть тот факт, что иностранным студентам, в частности алжирским учащимся-русистам не приходится уделять этому достаточное внимание без помощи преподавателя, так как для них культура казаков такая же чужая и он не видит в ней отличия от культуры остального русского населения.

Казачка и отношение казака к ней

Особое место занимает женщина в повести. Писатель описывает черты казачек, их одежду и главное, отношение к ним.

Фигура казачки по Толстому – смысл «двух разных физиономии»: *«Красота гребенской женщины особенно поразительна соединением самого чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины» [Толстой, 2008, с.24].*

Несмотря на то, что казатская женщина совмещает в себе физические черты и европейской и кавказской женщин, её роль в казатском обществе не отличается от роли восточных женщин, она склона быть восточной и занимает привычное, традиционное место в семье, наверно это образное продолжение описания лица казачки, она все-таки восточная женщина: *«Вследствие такого взгляда женщина, усиленно развиваясь и физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получает, как вообще на Востоке, без сравнения большее, чем на Западе, влияние и вес в домашнем быту» [Толстой, 2008, с.24].*

«Кроме того, постоянный мужской, тяжелый труд и заботы, переданные ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный

характер гребенской женицине и поразительно развили в ней физическую силу» [Толстой, 2008, с.24].

В описании одежды казачек, чувствуется также призыв Л.Н.Толстого к мирному сосуществованию, подчеркивая равноправие культур, связь людей с ними, привязанность к своей идентичности, ведь не всякий писатель обращает на это внимание: *«казачки носят одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешимет и чувяки; но платки завязывают по-русски»* [Толстой, 2008, с.24].

Различие в ношении головных платков невелико. Мусульманки стараются полностью закрыть волосы, а христианки считают допустимым, чтобы была видна челка.

Судя по вышеназванному примеру, много схожего между татарками и казачками. Это с одной стороны показывает толерантность, к которой призывает Л.Н.Толстой, с другой стороны выражение *«платки завязывают по-русски»* свидетельствует о существовании большой духовной разности. Казачки себя относят не к мусульманам, а к православным, поэтому они подчёркивают, не смотря на наличие много общего у них с татарками, свою принадлежность к другой культуре – к русской православной.

Вопрос отличия ислама от христианства - это не вопрос отличия в одежде, а вопрос отличия в убеждениях о Боге и Пророках. Что в Исламе, что в Христианстве, есть общие принципы благочестивой одежды.

Положение женщины в семейной иерархии как и во многих обществах тех времён, не очень уютное, для иллюстрации данного суждения приводим следующие примеры: *«На женичину казак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же*

заставляет с молодости и до глубокой старости работать для себя и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда» [Толстой, 2008, с.24].

Отношение к свадьбе и к способам заключения брака не как на севере, в России, а по традициям Востока: *«Лукашку она не видала с самого дня сговора и спокойно ждала времени свадьбы»* [Толстой 2008, с.72].

Даже при решении своей судьбы, казачка не выходит за рамки обычаев и традиции: *«Она согласилась, но с тем уговором, чтобы ей на тарелку клали деньги, как это делается на свадьбах»* [Толстой, 2008, с. 63].

Описание жилища казаков также отражает особенности сложившейся исторической ситуации на Кавказе в 19 веке.

По соображениям безопасности и в результате беспокойной жизни в регионе, казаки приспособились к обстоятельствам, их жилища – военные укрепления: *«Станица обнесена земляным валом и колючим терновником. Выезжают из станицы и въезжают в нее высокими на столбах воротами с небольшою, крытою камышом крышкой, около которых стоит на деревянном лафете пушка, уродливая, сто лет не стрелявшая, когда-то отбитая казаками»* [Толстой, 2008, с.24].

«Дома казаков все подняты на столбах от земли на аршин и более, опрятно покрыты камышом, с высокими князьками» [Толстой, 2008, С.26].

Место коня в жизни казака как один из важных атрибутов кавказской культуры вообще и казачьей в частности.

У казаков культ коня преобладал во многом над другими традициями и поверьями.

«Что он сказал добра дошадь, а не конь, это означало особенную похвалу коню» [Толстой, 2008, с. 196].

У казаков такой обычай: сначала надо купить коня, а только потом можно думать о женитьбе.

«- Матушка женить хочет. Да еще и коня нет».

- Ты нестревой?

- Где ж? Только собрался. Еще коня нет, а раздобыться негде. Оттого и не женят» [Толстой 2008, с. 116].

Итак, цель выявления особенностей казачьей жизни заключается в сближении читателем и учащихся к замыслу автора. В результате описания своих и чужих проявляется диалог между разными цивилизациями, мировоззрение членов которых отличаются, но это не повод для вражды и столкновения.

2-4. Лингвокультурологический, структурно-функциональный анализ культурано-маркированной лексики повести «казаки»

Кроме вышеприведённого анализа, направленного на выяснение и иллюстрацию особенностей жизни казаков, структурно-функциональный лингвокультурологический анализ культураносной лексики позволит нам выявить трудности, связанные именно с языком повести. Выявление этой лексики, представляющей как семантические, так и культурологические трудности, позволило нам выделить, по крайней мере, десять групп.

1-Этнонимическая лексика;

2-Лексика, выражающая различные эмоции, чувства, приветствия, обращения, пожелания;

3- Лексика называющая предметы одежды;

4- Лексика, называющая растения, животных и явления природы;

5- Лексика, называющая еду и напитки;

6- Лексика, называющая предметы быта;

7- Лексика, обозначающая, оружие и орудие труда;

8- Лексика, называющая жильё и постройки;

9- Лексика, называющая различные социальные отношения;

10- Лексика различных тематических групп;

Следующий тезаурусный анализ служит средством преодоления трудностей, связанных с восприятием и интерпретацией художественного текста в алжирской аудитории:

1.Этнонимическая лексика: казак, чеченец, ногаец, горец, татарин, черкес.

Казак - член военн-земледельческой общины вольных поселенцев из бежавших на окраины государства (Дон, Яик, Запорожье) крепостных крестьян, холопов и городской бедноты.

«На этой-то плодородной, лесистой и богатой растительностью полосе живет с незапамятных времен воинственное, красивое и богатое староверческое русское население, называемое гребенскими казаками» [Толстой 2008, с. 22].

Чеченцы - северокавказский народ, проживающий на Северном Кавказе и исповедующий ислам.

«Ежели редко-редко, где покажутся верховые, то уже казаки с кордона и чеченцы из аула с удивлением и любопытством смотрят на верховых и стараются догадаться, кто могут быть эти недобрые люди» [Толстой 2008, с. 27].

Ногайцы - тюркоязычный народ на Северном Кавказе.

«Один раз, перед вечером, ногаец-ямщик плетью указал из-за туч на горы» [Толстой 2008, с. 19].

Горец- житель гор, название применительно к жителям северокавказского региона:

«Терек, отделяющий казаков от горцев, течет мутно и быстро» [Толстой 2008, с. 21].

Татарин - представитель тюркоязычного народа, составляющего коренное население Поволжья, Урала, Сибири, представитель любой мусульманской народности, проживающий в России:

«Вечером ему сказали, что Лукашка при смерти, но что татарин из-за реки взялся лечить его травами» [Толстой 2008, с. 201].

Черкес - в широком смысле, наиболее известное название адыгского народа, коренного населения Северо-Западного Кавказа:

«Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу» [Толстой 2008, с. 23].

2.Лексика нерусского происхождения, выражающая различные эмоции, чувства, приветствия, обращения, пожелания: Кошкильды, саубул, уйде, алла бирды, алла рази бо сун, ана сени.

Кошкильды или хошгельды (*кумыкск.*) — «Здравия желаем, мир вам»

« - Кошкильды! - сказал он. - Это по-татарски значит; здравия желаем, мир вам, по-ихнему»[Толстой 2008, с. 64].

Саубул: будь здоров.

«- Сау бул - сказал Ерошка, улыбаясь, и выпил свой стакан. - Ты говоришь: праздник! -- сказал он Ленину, поднимаясь и глядя в окно» [Толстой 2008, с. 179].

Алла бирды значит: Бог дал; это обыкновенное приветствие, употребляемое кавказцами, когда пьют вместе.

«-Алла бирды, - сказал он и выпил» [Толстой 2008, с. 179].

Алла рази бо сун: спаси Аллах.

« - Коли тебе кошкильды говорят, ты скажи алла рази бо сун, спаси Бог» [Толстой 2008, с. 64].

Ана сени! (кумыкск): ругательство, означающее: да умрёт твоя мать!

«- Врешь, руками задушу! От моих рук не уйдешь! Ана сени! - кричал он, порываясь. Скоро он замолк от слабости» [Толстой 2008, с. 201].

3.Лексика называющая предметы одежды: бурка, папаха, бешмет, чувяки, зипун, черкеска, поршни, чамбары.

Бурка: на Кавказе, род плаща из мохнатого овечьего или козьего войлока. Пастух в бурке.

«Лукашка вскинул выше бурку и один пошел назад по берегу, быстро поглядывая то налево - на стену камышей, то на Терек, бурливший подле под берегом» [Толстой 2008, с. 45].

Папаха: мужской убор, распространённый в России, слово имеет тюрскую этимологию (от тюрк. папах).

«Брат убитого, высокий, стройный, с подстриженной и выкрашенной красною бородой, несмотря на то, что был в оборванной черкеске и папахе, был спокоен и величав, как царь» [Толстой 2008, с. 111].

Бешмет: [тюрк] — верхняя распашная одежда, распространённая у ряда народов Сев. Кавказа и Средней Азии.

«Лицо Марьяны закрыто обвязанным платком; на ней розовая рубаха и зеленый бешмет» [Толстой 2008, с. 28].

Чувяки: мягкие туфли без каблуков в Крыму и на Кавказе.

«Разуйся, чертова девка, - кричит мать, - чувяки-то все истоптала» [Толстой 2008, с. 28].

Черкеска: национальная верхняя мужская одежда у всех народов Кавказа, а также кубанских и тёрских казаков. Приталенный однобортный суконный кафтан со сборками, обычно распашной с открытой грудью, без воротника, с газырями на груди, длиной немного ниже колен, с широкими рукавами, затянутый узким ремнем в талии.

«Широкая черкеска была кое-где порвана, шапка была заломлена назад по-чеченски, ноговицы спущены ниже колен» [Толстой 2008, с. 34].

Зипун: (полукафтан) — верхняя одежда у крестьян. Он представляет собой кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сунка ярких цветов со швами, отделанными контрастными шнурами.

«Лукашка не отвечал, вышел в сени, перекинул через плечо сумки, подоткнул зипун, взял ружье и остановился на пороге» [Толстой 2008, с. 92].

Поршни: обувь из невыделанной кожи, надеваемая только размочённая.

«На нем был оборванный подоткнутый зипун, на ногах обвязанные веревочками по онучам оленьи поршни растрепанная белая шапчонка» [Толстой 2008, с. 35].

Чамбары: мужские штаны (преимущественно) и женские штаны.

«- Спаси тебя Христос, - проговорил старик, поднял валявшиеся на полу чамбары и бешикет, надел их, затянулся ремнем, полил воды из черепка на руки, отер их о старые чамбары, кусочком гребешка расправил бороду и стал перед Лукашкой» [Толстой 2008, с. 86].

4. Лексика, называющая растения, животных и явления природы:
бирюк, чинара, раины, буруны, бахча.

Бирюк: волк

«Никто уже не живет там, и только видны по песку следы оленей, бирюков зайцев и фазанов, любивших эти места» [Толстой 2008, с. 22].

Чинара: [тюрк.] - восточный платан.

«... хотя и не высокий левый берег с его корнями столетних дубов, гниющих чинар и молодого подростка» [Толстой, 2008, с.21].

Раина: пирамидальный тополь.

«В старину большая часть этих станиц были на самом берегу; но Терек, каждый год отклоняясь к северу от гор, подмыл их, и теперь видны только густо заросшие старые городища, сады, груши, лычи и раины, переплетенные ежевичником и одичавшим виноградником» [Толстой 2008, с. 22].

Буруны: наносные пески.

«Новомлинская станица стоит в трех верстах от Терека, отделяясь от него густым лесом. С одной стороны дороги, проходящей через станицу, - река; с другой - зеленеют виноградные, фруктовые сады и виднеются песчаные буруны Ногайской степи» [Толстой 2008, с. 25].

Бахча: персидское [Бахче садик]- поле, на котором выращивают бахчевые культуры (арбузы, дыни, тыквы.)

«Средства жизни казаков составляют виноградные и фруктовые сады, бахчи с арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посевы кукурузы и проса и военная добыча» [Толстой 2008, с. 25].

5. Лексика, называющая еду и напитки: каймак, буза, чихирь, чапра.

Каймак: (от тюрк.) – кисломолочный продукт, нечто среднее между сметаной, сладким творогом и сливочным маслом.

«Из глиняной трубы избушки скоро поднимается дым кизяка, молоко переделывается в каймак; девка разжигает огонь, а старуха выходит к воротам» [Толстой 2008, с. 29].

Буза: татарское пиво из пшена.

«Вот дай срок, их праздник будет, пойду к Гирей-хану в гости, бузу пить, -- сказал Лукашка, сердито отмахиваясь от липнувших к нему комаров» [Толстой 2008, с. 35].

Чихирь: (кумыкск.) Молодое вино.

«Тебе чихирю принес, дядя, что на кордоне обещал» [Толстой 2008, с. 86].

Чапра: виноградные выжимки. Заимствование из тюркского языка.

«Запах чапры наполнял воздух» [Толстой 2008, с. 152].

6. Лексика, называющая предметы быта: сапетка, лопазик, чапура, чепрак.

Лопазик: называется место для сиденья на столбах или деревьях.

«Я какой человек? След найду, - уж я его знаю, зверя, и знаю, где ему лечь и куда пить или валяться придет. Лопазик сделаю и сижу ночь, караулю» [Толстой 2008, с. 80].

Сапетка: корзина для хранения кукурузы в початках.

«Старик казак с засученными штанами и раскрытою седою грудью, возвращаясь с рыбной ловли, несет через плечо в сапетке еще бьющихся

серебристых шамаек и, чтоб ближе пройти, лезет через проломанный забор соседа и отдирает от забора зацепившийся зипун» [Толстой 2008, с. 28].

Чапура: цапля, большая болотная птица отряда голенастых с длинными шеей и клювом.

«Подали вино. Лукашка сел и взял чапуру» [Толстой 2008, с.119].

7. Лексика, обозначающая оружие и орудия труда: пружок, кобылка, кинжал, шомпол, шашка, флинта.

Пружок: силки, которые ставят для ловли фазанов.

«- О! - сказал Лукашка, замолкая. -- Где петуха-то взял? Должно, мой пружок... » [Толстой 2008, с. 38].

Кобылка: орудие для того, чтоб подкрадываться под фазанов.

«За спиной он нес чрез одно плечо кобылку и мешок с курочкой и кобчиком для приманки ястреба; чрез другое плечо он нес на ремне дикую убитую кошку; на спине за поясом заткнуты были мешочек с пулями, порохом и хлебом, конский хвост, чтоб отмахиваться от комаров, большой кинжал с прорванными ножнами, испачканными старою кровью, и два убитые фазана. Взглянув на кордон, он остановился» [Толстой 2008, с. 35].

Кинжал: Кинжал - (от араб. ханджар) - колющее оружие с обоюдоострым коротким клинком; носится в ножнах. У некоторых народов (напр., на Кавказе) кинжал - принадлежность национального костюма.

« - Не нужно, еще сочтемся. Ведь я не стану же давать тебе деньги за кинжал» [Толстой 2008, с. 143].

Шомпол: Стержень для чистки и смазки канала ствола ручного стрелкового оружия или, в старину, для забивания заряда в ружья, заряжаемые с дула.

«Лукашка соскучился, встал, достал ножик из-под кинжала и начал строгать палочку на шомпол» [Толстой 2008, с. 70].

Шашка (от адыгского/черкского «сэшхуэ» или «сáшхо» — «большой» или «длинный нож») — длинноклинковое рубяще-колющее холодное оружие. Клинок однолезвийный, слабо изогнутый, у боевого конца двулезвийный, длиной менее метра (в России стояли на вооружении различные модели шашек с длиной клинка от 81 до 88см, исконные черкесские были ещё легче и короче).

Шашки и кинжалы, дороже всего ценимые на Кавказе, называются по мастеру - Гурда.

«У кого первый конь, у кого шашка гурда, к кому выпить пойти, с кем погулять? Кого в горы послать, Ахмет-хана убить? Все Ерошка. Кого девки любят? Все Ерошка отвечал» [Толстой 2008, с. 78].

Флинта: кремневое ружьё

«- Гей, Лям! - крикнул он на собаку таким залиvistым басом, что далеко в лесу отозвалось эхо, и, перекинув на плечо огромное пистонное ружье, называемое у казаков флинтой, приподнял шапку» [Толстой 2008, с.35-36].

8. Лексика, называющая жильё и постройки: избушка, аул, станица.

Станица: большое казачье селение.

«Чем обходить в ворота, он перелез, как и все делали в станице, через ограду колючек» [Толстой 2008, с. 105].

Избушка: избушкой у казаков называется низенький холодный срубец, где кипятится и сберегается молочный скоп.

«Молча постояв у ворот, старуха вернулась в избушку и тотчас же принялась за работу» [Толстой 2008, с. 93].

Аул: традиционное поселение сельского типа, стойбище, деревня у тюрских народов, а также у других народов Средней Азии и Кавказа.

«По правому берегу расположены мирные, но еще беспокойные аулы; вдоль по левому берегу, в полуверсте от воды, на расстоянии семи и восьми верст одна от другой, расположены станицы» [Толстой 2008, с.21].

9. Лексика, называющая различные социальные отношения:

Джигит, хорунжий, нянюка, мулла, наиб, хан, абреки, драбант, душенька, мюрид.

Наиб (арабск.) — Наибами называют людей, которым вверена от Шамиля какая-нибудь часть управления.

Абрек (черкесск.) — беглый горец, разбойник.

«Невольно в голове его мелькнула мысль о Куперовом Патфайндере и абреках, а глядя на таинственность, с которою шел старик, он не решался спросить и был в сомнении, опасность или охота причиняли эту таинственность» [Толстой 2008, с. 103].

Джигит: искусный наездник [первоначально у кавказских горцев, казаков].

«Вишь, смола какой! Ведь ты не пошла, я чай. А он какой теперь молодец стал! Первый джигит» [Толстой 2008, с. 157].

Драбант: 1) телохранитель, член почетной стражи (в прошлом) . 2) денщик или вестовой офицера в казачьих войсках.

«- Пойдешь ты ко мне в драбанты? (В походе драбант есть нечто вроде вестового, которых давали офицерам.) Я тебя выхлопочу и коня тебе подарю, - вдруг сказал Оленин» [Толстой 2008, с. 117].

Хан: у некоторых тюркских и монгольских народов: феодальный владетельный князь, монарх, а также титул князя, монарха.

«Намедни в ауле были; так Гирей-хан в Ногаи звал за конями, никто не поехал; а одному как же?» [Толстой 2008, с.53].

Няня: няней называется в прямой смысле всегда старшая сестра, а в перенесном называется друг.

«Рассказал про свое времечко и своего няню Гирчика, с которым он из-за Тереку во время чумы бурки переправлял» [Толстой 2008, с. 77].

Душенька: любовница у казаков.

«Рассказал про свою душеньку, которая за ним по ночам на кордон бегала» [Толстой 2008, с. 78].

Мулла: (араб, господин, повелитель, владыка) знаток мусульманского ритуала. Муллой также называют мусульманского священника, учителя в медресе и просто грамотных людей.

Кадий: (арабское) - судья

«А муллу или кадия татарского послушай» [Толстой 2008, с.51].

Мюрид: (арабск.) — послушник, «искатель истины». «Слово мюрид имеет много значений, но в том смысле, в котором употреблено здесь, значит что-то среднее между адъютантом и телохранителем».

«- Как коня запрягать! А вот еще я тебе скажу, - понизив голос, сказал Лукашка, - коли хочешь, мне кунак есть, Гирей-хан; звал на дорогу засесть, где из гор ездят, так вместе поедem. Уж я тебя не выдам, твой мюрид буду» [Толстой 2008, с. 120].

10. Лексика различных тематических групп. Таких слов небольшое количество, поэтому разделять их на отдельные группы не имеет смысла. Это такие слова: арба, кизяк, цидулка, карга, котлубань, каюк, крига, пешкеш, саква, кубари, калым, бокал.

Бокал: Сосуд для вина в виде большой рюмки.

«Тот, который был в полушубке, подошел к столу, выпил стоявший на столе бокал, взял за руку маленького и дурного и покраснел» [Толстой 2008, с. 8].

Пешкеш: (персидск.) — подарок.

«Ну, так вот я вам пешкеш привез, - и Лукашка распоясался и снял один из двух кинжалов, которые висели у него на ремне. - За рекой достал» [Толстой 2008, с. 143].

Арба: высокая двухколёсная повозка в средней Азии.

«Марьяна, пообедав, подложила быкам травы, свернула свой бешимет под головы и легла под арбой на примятую сочную траву» [Толстой 2008, с. 154].

Цидула: цидулой называется циркуляр, рассылаемый по постам.

«кое-где можно переезжать ее вброд, и несмотря на то, что дня два тому назад прибежал от полкового командира казак с цидулкой, в которой значилось, что, по полученным чрез лазутчиков сведениям, партия в

восемь человек намерена переправиться через Терек, и потому предписывается наблюдать особую осторожность, -- на кордоне не соблюдалось особенной осторожности» [Толстой 2008, с.33].

Котлубань: котлубанью называется яма, иногда просто лужа, в которой мажется кабан, натирая себе калган, толстую хрящеватую шкуру.

« - Спаси тебя Христос, - отвечал старик, - карга за канавой, в котлубани будет, - прибавил он - Я посижу, а ты ступай» [Толстой 2008, с. 43].

Крига: кригой называется место у берега, огороженное плетнем для ловли рыбы.

«- Черт их знает! Тьфу! Хозяина настоящего нету, на какую-то кригу, говорят, пошел» [Толстой 2008, с. 33].

Саквы: саквами называются переметные сумки, которые Казаки возят за седлами.

«Али в саквы положить?» [Толстой 2008, с. 92].

Кубарь: распространённая игрушка древней Руси, разновидность волчка.

«Визжат казачата, гоняющие кубари на улицах везде, где вышло ровное место» [Толстой 2008, с.28].

Каюк: (тюрк) плоскодонная лодка у народов Средней Азии и Восточной Европы.

«Лазутчик, стоя на конце каюка, перенося весло то на ту, то на другую сторону, ловко правил и говорил без умолку» [Толстой 2008, с.114].

Карга:1-(тюрк) Злая безобразная старуха .2- по-грузински это означает хорошо.

«- А карга что значит? — спросил Оленин» [Толстой 2008, с. 64].

Калым: (тюрк) выкуп за невесту у народов Средней Азии, Кавказа и Сибири.

«Калым большой содрать хочет» [Толстой 2008, с. 99].

Кизяк: тюрк высушенный в виде лепёшек или кирпичей навоз с примесью резаной соломы. Применяется на Ближнем Востоке, Кавказе и Средней Азии как топливо и строительный материал.

«*Из всех труб поднимается душистый дым кизяка*» [Толстой 2008, с. 28].

Данные тематические группы свидетельствуют о разнообразии и отличии уклада жизни у казаков. Достаточно иллюстрирует языковую и культурную картину жителей Северного Кавказа наличие разных языков в регионе, ведь у каждого народа, свой язык и «своя картина мира».

«Карнина мира» – есть набор признаков, определяющих культурное своеобразие языковых коллективов, ведущая роль при этом принадлежит именно той части лексики, которая связана с этническими и культурными особенностями жизни народа. Именно эта часть лексики языков горских народов функционирует в произведениях русских писателей о Кавказе как средство ознакомления читателей с культурой и жизнью кавказских народов.

Выводы по второй главе

Подытоживая сказанное мы заключаем, что в основании лингвокультурологической методологии лежат обыденные понятия особого рода: «концепты-словообразы», которые не превращаются в абстрактные понятия, а обогащаются поиском в фактах культуры смысла жизни.

В лингвокультурологии предпринимается попытка интегрировать в лингвистические методы приемы и методики культурологии: общефилософские, идеографические (описывающие), феноменологические, герменевтические и структурно-функциональный анализ.

Поиск в повести «Казачья» признаков культурности - призыв к мирному сосуществованию русских и нерусских на Кавказе, который пронизывает всю повесть и, к которому стремился Л.Н.Толстой.

Характер речевого поведения героев повести «Казачья» нацелен на достоверное описание подробностей казачьей и горской жизни и на отношение между разными этносами, живущими на Кавказе.

Структурно-функциональный анализ, ориентированный на культурную доминанту позволяет: во-первых, прогнозировать трудности и, во-вторых, преодолеть их путем тезаурусного анализ и, тем самым сблизить художественный текст к учащимся, привлечь их внимание к нему и делать его доступным, понятным и что самое важное, образовательным.

Заключение

Язык осуществляет репрезентацию мира, укорененную в формах жизни, где материальная деятельность субъекта и использование языка являются взаимодополнительным. Языковые контакты раскрывают особенности культуры, менталитета того или иного народа и то самое сокровенное, что В. фон Гумбольдт именовал «духом народа».

В истории культурного взаимодействия русского народа и народов Кавказа есть особенно сложные точки, исторические разрывы и расколы. Огромную роль сыграли русские писатели, увидевшие в языковом, культурном взаимодействии между народами возможности для формирования личных и общих языковых и социальных контактов, новых форм сосуществования.

Этот сложный процесс становления взаимопонимания, взаимоуважения посредством диалогического освоения языков и культур на Северном Кавказе не был предметом специального лингвистического исследования, к тому же, отсутствие в лингвокультурологии четких собственных методологических установок приводит к тому, что ее предмет нередко «растворяется» в смежной научной дисциплине. Даже в самой лингвокультурологии нет единого метода анализа, сколько углов зрения, столько и методов, и каждый имеет свои границы, однако они все нацелены на раскрытие элементов культурности через язык и в этом суть данной диссертационной работы.

Работа иностранных исследователей над выявлением элементов чужой культуры вливается всегда в так называемую «межкультурную коммуникацию», так как сама межкультурная коммуникация определяется как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам. Она имеет разные формы

проявления: прямую, косвенную, опосредованную и неопосредованную и, три основных вида - вербальную, невербальную и паравербальную.

Коммуникативный акт, в свою очередь, реализуется в разных формах. При обращении к произведениям иностранной литературы, коммуникативный акт, безусловно, отражается в графической, письменной форме.

С культурологической точки зрения художественная литература является довольно своеобразным явлением, поскольку действительность, создаваемая в нем автором, является особой по отношению к реальной. Но, несмотря на элементы фантазии и воображения автора, художественный текст может явиться истинным хранителем культуры. Он отображает духовный мир человека. Он пронизан множеством культурных кодов информационного, исторического, этнографического, национального психологического характера.

В повести «Казачья» Л.Н. Толстой показал путь к упрочению русско-кавказских культурных взаимосвязей. Он представил наличие глубинного конфликта *между двумя культурами, а также возможность разрешения* этого конфликта мирным путем.

Систематизация культураносной лексики и её разбор облегчают её восприятие и делают текст повести «Казачья» доступным даже для читателей, у которых нет большого опыта чтения такого рода текстов и которые незнакомы с особенностями русского языка и межнациональным характером языка русской художественной литературы XIX века.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценостно-смысловое пространство языка. М., 2010. 224с.
2. Антонова В. Мультикультурализм: идеология, политика и культурный код современности. М., 2012. 118с.
3. Аперсян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания. М., 2002. 150с.
4. Арутюнов О.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества \\\ Расы, народы. Москва: 1972. Вып. 2.
5. Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997. 180с.
6. Барт Р. Избр. Работы. Семиотика. Поэтика. / Пер. С франц., -М., 1980. 543с.
7. Бахтин М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных наук. // Литературно-критические статьи. М., 1980. 530с.
8. Бен вен нет Э. Общая лингвистика. М., 2004. 447с.
9. Бердичесвский А.Л. Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе // Русский язык за рубежом. М., 2002. 170с.
10. Библер В.С. На гранях Логики культуры. М., Русское феноменологическое общество, 1997. 440с.

- 11.Богданов А.Н., Юдкевич Л.Г. Методика литературоведческого анализа. М.,1969. 190с.
- 12.Богин Г.И. Методическое пособие по интерпретации художественного текста (для занимающихся иностранной филологией). М.,1989.445с.
- 13.Богин Г.И. Типология понимания текста: Учеб.пос. Калинин, 1986. 86с.
- 14.Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. Томск, 2008. 383с.
- 15.Большой словарь иностранных слов. М.: ЮНВЕС, 2001. 784с.
- 16.Булкин А.П. Изучение иностранных языков в России. М., 1998. 120с.
- 17.Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 2003. 576с.
- 18.Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус, Язык и структура знания. М.,1990.140с.
- 19.Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. С англ. М.: Рус. Словари, 1996. 411с.
- 20.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1987. 213с.
- 21.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. И доп. М., 1990. 246с.

- 22.Верещагина И.Н., Прыткина Т.А. Английский язык Учебник для 2 класса школ с углублённым изучением английского языка, лицеев, гимназий, колледжей. М.,2000. 200с.
- 23.Виноградов В.А., Васильева Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995. 175с.
- 24.Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.545с.
- 25.Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.,1980. 245с.
- 26.Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. М., 2001. 300с.
- 27.Воробьёв В.В. Лингвокультурология: Монография. М.:РУДН, 2008. 336с.
- 28.Воробьёв В.В. Прикладная лингвокультурология: сборник учебно-методических материалов для обучения русскому языку. М.:РУДН, 2013. 236с.
- 29.Воронцова Т.А., Востякова И.А. др. Язык. Культура. Коммуникация: сборник научных статей.- Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет»,2012. 270с.
- 30.Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138с.
- 31.Головкина С.Х., Смольников С.Н. Лингвистический анализ текста: Материалы в помощь учителю словеснику. Вологда, 2006. 124с.

- 32.Гореликова М.И. Интерпретация прозаического, художественного текста при обучении русскому языку как иностранному. М., 1982. 354с.
- 33.Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2004. 331с.
- 34.Громова Л.Г. Обучение иностранных студентов русской культуре // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса международной ассоциации преподавателей русского языка. Санкт-Петербург, М., 2003. 645с.
- 35.Грушевицкая Т.Г. Попков. В.Д. Основы межкультурной коммуникации. М., 2003. 352с.
- 36.Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации .М.: «Гнозис», 1997. 460с.
- 37.Джаубаева Ф.И. Экзотическая лексика в произведениях русских писателей о Кавказе. Ставрополь, 2006. 364с.
- 38.Дранов А.В. Горизонт ожидания. // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. М.,1996. 120с.
- 39.Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984. 178с.
- 40.Дымарский М.Я. Текстовая компетенция и её состояние в современной России, Лингвистический семинар. Вып. 1. Язык как многомерное явление. –СПб.Бирск: Изд. Бирского ГПИ, 1996.230с.
- 41.Егорова В.К. Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. М., 2008. 848с.

42. Жолковский А. К. Поэтика недоверия. М., 1999. 233с.
43. Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. 344с.
44. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. Ереван, 1991. 400с.
45. Иванова Н.К. Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Иваново, 2004. 302с.
46. Иванова С.В. Культурологический аспект исследования языковых единиц. Уфа, 2003. 364с.
47. Исакова М.А. Социализация и межкультурная коммуникация в современном мире. Красноярск, 2011. 276с.
48. Казарцева О.М. Культура речевого общения: теория и практика обучения: Учебное пособие. М.: Флинта, 2003. 495с.
49. Калинин А.В. Лексика русского языка. М., 1971. 230с.
50. Канчуков Е. Бессмертная любовь// Литературная Россия. М., 1989. 333с.
51. Караулов Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009. 334с.
52. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262с.
53. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж, 2000. 170с.

- 54.Кожевникова К.В. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1970. 400с.
- 55.Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе 19-20 вв. М., 1994. 566с.
- 56.Комиссаров В.Н. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. М.,1999. 145с.
- 57.Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекции. М., 2002. 284с.
- 58.Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Русское слово, 1968. 176с.
- 59.Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944с.
- 60.Кулибина Н.В. Методика работы над художественным текстом в аспекте страноведения. М., 1985. 23с.
- 61.Кун Т. Структура научных революций. М., 1972. 655с.
- 62.Купина Н.А.,Николина Н.А. Филологический анализ художественного текста. М.: Флинта, 2003. 404с.
- 63.Лапшин С.В. «Русский язык - общечеловеческий код культурного содружества и исторической взаимосвязи ». УлГПУ,2013. 192с.
- 64.Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск, 2000. 192с.
- 65.Лихачев Д.С. Литература-реальность-литература. Ленинград: Сов. Писатель.1981. 215с.

66. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для вузов. Минск, 2008. 271с.
67. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия». 2001. 208с.
68. Матрон Е.Д. Художественное произведение на уроках иностранного языка: Учебное пособие. М.:Флинта, 2002. 296с.
69. Намиткова Р.Ю., Сапиева С.К. Кавказская лексика как транслятор культурных смыслов в русском языке и речи. М., 2000. 200с.
70. Намиткова Р.Ю., Шхалало С.Ш. Кавказская лексика в аспекте межкультурной коммуникации. М.: МГУ, 2010. 668с.
71. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001. 656с.
72. Райхштейн А.Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации // Иностранные языки в школе. 1986. 421с.
73. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высш. шк., 2005. 187с.
74. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие для вузов. М.: Юнити, 2004. 271с.
75. Селезнева И.П., Румынина Г.И. Сферы межкультурной коммуникации как особого вида ценостно-ориентационной деятельности будущего педагога. Красноярск, 2006. 150с.
76. Сепир. Э. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1998. 211с.
77. Смирнов И.П. Роман тайн «Доктор Живаго». М, 433с.

- 78.Соболев В.А. Казачество в культурной традиции. М.: Культура Пресс, 2003. 318с.
- 79.Соколов Э.В. Культурология. Очерки теорий культуры. М., 1994. 122с.
- 80.Соколов. Э.В. Культура и личность. Ленинград. М.: Наука, 1972. 228с.
- 81.Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов установления специфики локальных культур. М.,1999. 520с.
- 82.Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. Москва, 1959.
- 83.Станиславский А.Н. Русское казачество в первой четверти 17-века. М.,1984. 23с.
- 84.Субботлина Н.А. Культурные ценности казаков. Екатеринбург, 1999. 249с.
- 85.Сухарев Ю.К. Лазоревый цвет. Страницы казачьей истории. Чапаевск, 2001. 338с.
- 86.Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288с.
- 87.Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация. Феникс, 2007. 185 с.
- 88.Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.,2000. 237с.
- 89.Тодоров Ц.В. Поэтика //Структурализм «за» и «против». М.,1975. 400с.

90. Токарев Г.В. Лингвокультурология: Учеб. Пособие. Тула, 2009. 135с.
91. Толстой Л.Н. Казаки: Повесть. Спб., 2008. 208с.
92. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М., 1978-1985.
93. Тривимова Ю. Тёрские казаки: история, традиции, нравы. Пятигорск. 1993. 36с.
94. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке \ - Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998.
95. Трубецкой Н.С. История, культура, язык. Москва, 1959.
96. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. М., 1994. 366с.
97. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. 233с.
98. Фуко М. Порядок дискурса. Воля к истине. М., 1996. 333с.
99. Халеева И.И. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1999. 199с.
100. Хоруженко К.М. Традиционная культура: особенности и основные черты. М., 1998. 242с.
101. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2005. - 184 с.
102. Цатурова И.А. Многоуровневая система языкового образования в высшей технической школе. Диссертация в виде научного доклада на соискание учёной степени доктора педагогических наук. М.: МГУ, 1995. 56с.

103. Чекменев. С.А. К истории дружественных взаимоотношений между русскими и северокавказскими народами в конце 18-19 вв. Ставрополь, 1970. 400с.
104. Черникова В.Е., Волова Н.А. Межкультурная коммуникация в поликультурном пространстве. Пятигорск, 2005. 145с.
105. Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиции. ОГИ, 2005. 272с.
106. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. М., 2008. 746с.
107. Эсалнёк А.Я. Основы литературоведения. Анализ художественного произведения: Учебное пособие. М., 2004. 112с.

Электронные ресурсы

1. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_03.php.
2. Академик: словари и энциклопедии [Электронный ресурс] / <http://academic.ru>. (2013).
3. <http://www.e-reading.ws/book.php?book=1014322>.
4. <http://vasmer.slovaronline.com/>.
5. <http://vasmer.narod.ru/>.
6. <http://www.vedu.ru/expdic/>.

Приложение

Краткое содержание повести «Казачи»

Ранним зимним утром от крыльца московской гостиницы Шевалье, простясь с друзьями после долгого ужина, Дмитрий Андреевич Оленин отъезжает на ямской тройке в кавказский пехотный полк, куда зачислен юнкером.

С молодых лет оставшись без родителей, Оленин к двадцати четырем годам промотал половину состояния, нигде не кончил курса и нигде не служил. Он постоянно поддается увлечениям молодой жизни, но ровно настолько, чтобы не быть связанным; инстинктивно бежит всякого чувства и дела, которые требуют серьезных усилий. Не зная с уверенностью, на что же направить силу молодости, которую ясно чувствует в себе, Оленин надеется с отъездом на Кавказ переменить жизнь, чтобы не стало в ней больше ошибок и раскаяния.

За долгое время дороги Оленин то предается воспоминаниям о московской жизни, то рисует в воображении манящие картины будущего. Горы, которые открываются перед ним в конце пути, удивляют и радуют Оленина бесконечностью величественной красоты. Все московские воспоминания исчезают, и какой-то торжественный голос будто говорит ему: «Теперь началось».

Станица Новомлинская стоит в трех верстах от Терека, разделяющего казаков и горцев. Казаки несут службу в походах и на кордонах, «сидят» в дозорах на берегу Терека, охотятся и ловят рыбу. Женщины ведут домашнее хозяйство. Эту устоявшуюся жизнь нарушает приход на постой двух рот кавказского пехотного полка, в котором уже три месяца служит Оленин. Ему отведена квартира в доме хорунжего и школьного учителя,

приезжающего домой по праздникам. Хозяйство ведут жена — бабушка Улита и дочь Марьянка, которую собираются выдать за Лукашку, самого удалого из молодых казаков. Как раз перед самым приходом русских солдат в станицу в ночном дозоре на берегу Терека Лукашка отличается — убивает из ружья плывущего к русскому берегу чеченца. Когда казаки разглядывают убитого абрека, незримый тихий ангел пролетает над ними и покидает это место, а старик Ерошка говорит, как будто с сожалением: «Джигита убил». Оленин принят хозяевами холодно, как и заведено у казаков принимать армейских. Но постепенно хозяева становятся терпимее к Оленину. Этому способствует его открытость, щедрость, сразу установившееся приятельство со старым казаком Ерошкой, которого в станице уважают все. Оленин наблюдает жизнь казаков, она восхищает его естественной простотой и слитностью с природой. В порыве добрых чувств он дарит Лукашке одну из своих лошадей, и тот принимает подарок, не в силах понять такого бескорыстия, хотя Оленин искренен в своем поступке. Он всегда угощает вином дядю Ерошку, сразу соглашается с требованием хорунжего повысить плату за квартиру, хотя оговорена была меньшая, дарит Лукашке коня — все эти внешние проявления искренних чувств Оленина казаки и называют простотой. Ерошка много рассказывает о казацкой жизни, и немудреная философия, заключенная в этих рассказах, восхищает Оленина. Они вместе охотятся, Оленин любит дикой природой, слушает наставления и размышления Ерошки и чувствует, что постепенно все больше и больше хочет слиться с окружающей жизнью. Весь день он ходит по лесу, возвращается голодный и усталый, ужинает, выпивает с Ерошкой, видит с крыльца горы на закате, слушает истории про охоту, про абреков, про беззаботное, удалое житье. Оленин переполнен чувством беспричинной любви и обретает, наконец, ощущение счастья. «Все Бог сделал на радость человеку. Ни в чем греха

нет», — говорит дядя Ерошка. И словно отвечает ему Оленин в своих мыслях: «Всем надо жить, надо быть счастливым... В человека вложена потребность счастья». Однажды на охоте Оленин представляет, что он «такой же комар, или такой же фазан или олень, как те, которые живут теперь вокруг него». Но как бы тонко ни чувствовал Оленин природу, как бы ни понимал окружающую жизнь, — она не принимает его, и он с горечью осознает это.

Оленин участвует в одной экспедиции и представлен в офицеры. Он сторонится избитой колеи армейской жизни, состоящей в большей части из картежной игры и кутежей в крепостях, а в станицах — в уходе за казачками. Каждое утро, налюбовавшись на горы, на Марьянку, Оленин уходит на охоту. Вечером возвращается усталым, голодным, но совершенно счастливым. Непременно приходит к нему Ерошка, они долго беседуют и расходятся спать.

Оленин каждый день видит Марьянку и любит её так же, как красотой гор, неба, даже не помышляя о других отношениях. Но чем больше он наблюдает её, тем сильнее, незаметно для себя, влюбляется. Оленину навязывает свою дружбу князь Белецкий, знакомый ещё по московскому свету. В отличие от Оленина Белецкий ведёт в станице обычную жизнь богатого кавказского офицера. Он и уговаривает Оленина прийти на вечеринку, где должна быть Марьянка. Подчиняясь своеобразным шутливым правилам таких вечеринок, Оленин и Марьянка остаются наедине, и он целует её. После этого «стена, разделявшая их прежде, была разрушена». Оленин все больше времени проводит в комнате у хозяев, ищет любой повод, чтобы увидеть Марьянку. Все больше размышляя о своей жизни и поддаваясь нахлынувшему на него чувству, Оленин готов уже жениться на Марьянке.

В это же время продолжают приготовления к свадьбе Лукашки и Марьянки. В таком странном состоянии, когда внешне все идет к этой свадьбе, а у Оленина крепнет чувство и яснее решимость, он делает девушке предложение. Марьянка соглашается, при условии согласия родителей. Наутро Оленин собирается идти к хозяевам просить руки их дочери. Он видит на улице казаков, среди них Лукашку, которые едут ловить перебравшихся на эту сторону Терека абреков. Повинуясь долгу, Оленин едет с ними.

Окруженные казаками чеченцы знают, что им не уйти, и готовятся к последнему бою. Во время схватки брат того чеченца, которого ранее убил Лукашка, стреляет Лукашке из пистолета в живот. Лукашку привозят в станицу, Оленин узнает, что тот при смерти.

Когда Оленин пытается заговорить с Марьянкой, та отвергает его с презрением и злобой, и он вдруг ясно понимает, что никогда не сможет быть любим ею. Оленин решает уехать в крепость, в полк. В отличие от тех мыслей, которые были у него в Москве, сейчас он уже не раскаивается и не обещает себе лучших перемен. Перед отъездом из Новомлинской он молчит, и в этом молчании чувствуется скрытое, неизвестное ранее понимание пропасти между ним и окружающей жизнью. Интуитивно чувствует внутреннюю сущность Оленина провожающий его Ерошка. «Ведь я тебя люблю, я тебя как жалею! Такой ты горький, все один, все один. Нелюбимый ты какой-то!» — говорит он на прощание. Отъехав, Оленин оглядывается и видит, как старик и Марьяна разговаривают о своих делах и уже не смотрят на него.

ملخص مذكرة الماجستير المعنونة بـ " التحليل اللغوي الثقافي للنص الأدبي الروسي في قسم الطلبة الجزائريين في ضوء قصة الكاتب الروسي ليون تولستوي - القوزاق "

لقد أدت ظاهرة الإستعمار و العولمة ، و تفاقم الهجرة و اختلاط الشعوب أدى إلى اصطدام الثقافات من جهة ، و توسيع و تعميق العلاقات الدولية في جميع المجالات من جهة أخرى ، و قد كان لهذه الظواهر السالفة الذكر أثرا بالغا في مناهج و سبل تدريس اللغات الأجنبية التي تعتبر عاملا أساسيا لتحقيق الحوار بين الثقافات و التواصل فيما بينها ، من هنا تزايد الإهتمام باللغة .

باعتبار اللغة كنسق من الإشارات و الرموز تحمل دلالات و معاني ، فإنها لامحال تمثل أرقى و أقوى وسيلة اتصال بين الشعوب ، فهي حامل للثقافات و حاميتها، فبعد أن كانت معرفة الغيرو فهمه تحركه الأهداف الإستعمارية العسكرية المحضه و التي كان الهدف منها السيطرة و بسط النفوذ ، فبفضل التطور الملحوظ الذي عرفته البشرية خاصة في القرن العشرين ، لم تعد الرغبة في معرفة الغير مرهونة بالرغبة في السيطرة عليه و إخضاعه ، لقد تغير طابع العلاقات بين الشعوب و أصبح من الضروري التعامل بينها على أساس الإحترام المتبادل ما أدى إلى ظهور علم قائم بذاته " علم اللغة و الثقافة " أو " الدراسات اللغوية الثقافية " الذي ربط و بإحكام دراسة اللغة بدراسة ثقافة الشعب الناطق بها .

موضوع هذا العلم القائم بذاته يتلخص في البحث عن المظاهر الثقافية القومية المنعكسة و الثابتة في اللغة .

وقد انتجت العديد من الأعمال العلمية القيمة في كثير من الدول ، ففي روسيا قام المختصون ببلورة عدة نظريات إحتوتها تلك الأعمال التي قام بانجازها على سبيل المثال شاكلاين ف .م ، فوروبيوف ف.ف ، ماصولوف ف.ن ، خلورينكو أ.ت ، تيليا ف .ن . وغيرهم .

بالتالي القرن العشرين قدم لنا تعريفين للغة أحدهما اللغة في إطارها الإجتماعي و اللغة كرموز ، و اللغة الأجنبية مظهر للثقافة الأجنبية و ليست طريقة أخرى للتعبير عن عالم واحد ممكن .

نشأ هذا العلم كحقل للدراسات التكاملية نتيجة للتطور في حقل العلوم ذات الصلة ، كعلم الأنترولوجيا اللغوية على نحو فيجبييتسكيا أ ، و تليستوي ن.إ ، علم الأنثولوجيا و الأنثوغرافيا ، علم الثقافة على نحو لوتمن ي.ق ، علم النفس و علو النفس الإجتماعي ، علم النفس اللغوي على نحو ليوونتيف أ.أ ، و سوروكين ي.أ ، و في مجال التعليم و الأدب و الجغرافيا اللغوية على نحو أعمال فريشاغن أ.م ، كوستماروف ف.ق . و براخاروف ي.أ ، و آخرون .

إن تعليم اللغات الأجنبية أصبح ذات قيمة كبيرة لأنه يعمل على زيادة التواصل بين الثقافات و الشعوب المختلفة ، خاصة بين طلاب اللغات الأجنبية الذين يستخدمون اللغة الأجنبية كوسيلة تواصل حقيقية تمكنهم من معرفة خلفيات واسعة للثقافات المعنية و العلاقات المتبادلة و تطوراتها و هذا ما يجعل هذه الدراسة هامة في الوقت الحالي .

تتحدد موضوعية الدراسة أيضا بحاجة إلى استخدام هذا العلم في ممارسة تدريس اللغة الروسية باعتبارها عنصرا من الثقافة الخارجية ، لتشكيل الكفاءات اللغوية و الثقافية لدى الطلاب الجزائريين.

إن التحليل اللغوي الثقافي للنص الادبي ظاهرة متعددة الواجهه، فيجب الكشف فيه عن كل المفردات و العبارات التي تحتوي معنى تاريخي و ثقافي.

لعب الأدب الروسي الكلاسيكي دورا هاما جدا في تعليم اللغة الروسية كلغة أجنبية ، حيث يعتبر وسيلة لتجسيد علم اللسانيات الثقافية على أرض الواقع من خلال تحليل مختلف نصوصه ، التي تعتبر أحد المفاتيح الرئيسية للإتصال الدراسي و الثقافي بين الكاتب و القارئ .

يعتبر الروائي ليو نيكولايفيتش تليستوي واحد من أبرع الروائيين في العالم ، ظهرت عبقريته في العديد من الروايات و القصص ، من بينها قصة القوزاق التي تمثل موضوع دراستنا في هذه الأطروحة .

إن التحليل اللغوي و الثقافي لهذه الرواية يتناول العبارات و الوحدات اللغوية الصعبة و غير المفهومة من طرف القارئ ، حيث يتناول معناها الإستدلالي كما يأخذ بعين الإعتبار المكون الثقافي لها ، و يتناول أيضا العبارات و المفردات التي تدل على التنوع اللغوي و الثقافي والتواصل الإجتماعي .

تتكون الدراسة من مقدمة بابين وخاتمة ، الباب الأول يتطرق إلى بعض الطرق غير التقليدية في تحليل النص الأدبي ، و يتطرق أيضا إلى مشكلة التواصل بين الثقافات على حدى ، ثم يتطرق إلى خصوصية النص الأدبي في مجال التواصل الثقافي .

الباب الثاني يتطرق إلى صور الحوار الثقافي و الحضاري في قصة القوزاق و التحليل اللغوي و الثقافي للمفردات والعبارات اللغوية الصعبة و غير المفهومة فيها ، و قد إستخدمنا أنواع عديدة من القواميس و الموسوعات.

في الخلاصة قدمنا نتائج البحث و الاستنتاجات.

جامعة الجزائر2
كلية الآداب و اللغات
قسم اللغات الشرقية و السلافية

ملبوس خليل

التحليل الثقافي و اللغوي للنص الأدبي الروسي في
قسم الطلبة الجزائريين على ضوء قصة الكاتب
ل.ن. تولستوي "القوزاق"

مذكرة لنيل شهادة الماجستير في اللسانيات الروسية

المشرف : د. مصيبح عبد الوهاب

الجزائر – 2014